PG3321
.D4
A6
1922

Дельвиг.

Неизданные
стихотворен.

ОПБ
Щ612
Де-393

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3321
.D4
A6
1922

ДЕЛЬВИГ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

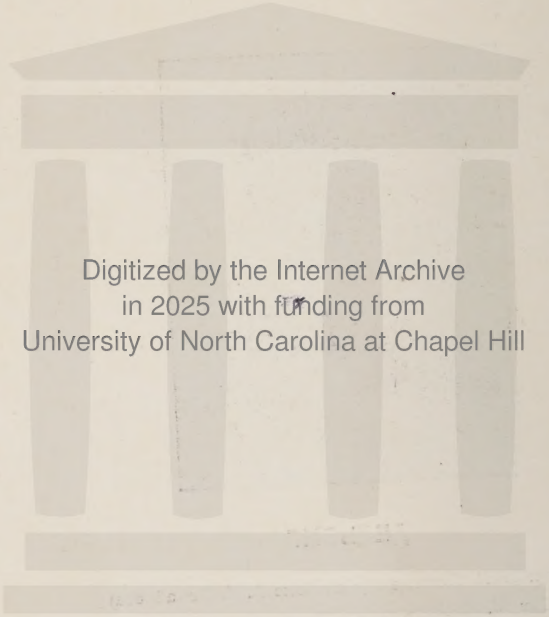
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Л. ГОФМАНА

ОПБ
Щ312
Де-393

ПЕТЕРБУРГ
1922

ДЕЛЬВИГ

Рисунок М. Л. Яковлева (в альбоме А. Е. Измайлова)
(Дар М. К. Азадовского Пушкинскому Дому)



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/nezdannyestikhot00delv

ДЕЛЬВИГ

MC PG3321 .D4 A6 1922

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Л. ГОФМАНА

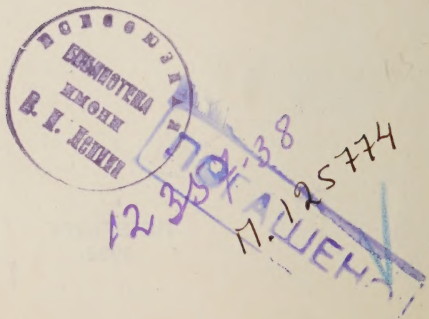
Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук.

ПЕТЕРБУРГ
1922.

Напечатано по распоряжению
Российской Академии Наук.

Непременный Секретарь
Академик *С. Ф. Ольденбург.*

Март, 1922.



ДЕЛЬВИГ.

Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царскій садъ, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной оживлялась
Проказница фантазія моя,
И со струной струна перекликалась,
Въ согласный звонъ сливаясь подъ рукой,—
И вы, друзья, любили голосъ мой.

Вамъ пѣсни даръ отъ сельскаго поэта!
Любите ихъ за то хоть, что мои.
Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
Всѣ вы, друзья, всѣ радости мои!
И, можетъ быть, мечты моей Лилета
Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви;
А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынѣ милый,
Какъ василекъ, не доцвѣтетъ унылый!

С таким стихотворением обращался в 1817 году к своим лицейским друзьям Дельвиг, покидая Царское Село — свою поэтическую колыбель, где он „геній свой воспитывалъ въ тиши“.

Поэтическое пророчество Дельвига сбылось: дар певца, как василек, не доцвел и не совершил тех чудес, какие он обещал, какие можно

было ожидать от этой большой поэтической силы Пушкинской эпохи. Уже в 1817 году, оканчивая Лицей, Дельвиг, девятнадцатилетний юноша, был не учеником, не начинающим поэтом, а законченным мастером-поэтом, мастером стиха, оригинальным и крупным поэтом, выразившим свою творческую индивидуальность в художественно законченной и совершенной форме.

К 1818—1819 гг. Дельвиг имел уже целый том самостоятельных, интересных и разнообразных стихотворений и был „привѣтствованъ дружеской улыбкою извѣстнѣйшихъ Писателей“ и всей читающей и любящей поэтически-прекрасное публикой. „Во множествѣ молодыхъ сочинителей, как о том свидетельствует П. А. Плетнев, не возможно было не отличить его по разнообразію и оригинальности вымысловъ, по вѣрному поэтическому чувству и по прекрасному употребленію почти всѣхъ стихотворныхъ формъ“.

Дар истинного певца не доцвел, но как поразительно рано и быстро он расцвел! Какое поразительное и прекрасное явление представляет это раннее, но гармоническое развитие поэта-лицеиста, в 15-тилетнем возрасте уже проявившего все стороны своей поэтической природы.

В 15 лет Дельвиг поражал смелостью своей поэтической фантазии, живостью воображения, любовью к поэзии и совершенно исключитель-

ной чуткостью ко всему поэтически-прекрасному, изящному, пониманием и прозорливостью, предвидением поэтически-значительного и великого, тем даром, который его сделал не только поэтом, но и одним из крупнейших поэтических деятелей поэтически-счастливой, богатой эпохи.

Таковы были природные поэтические данные Дельвига, проявившиеся в нем 14—15 лет, в первых же пьесах, в которых „замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ“ (Пушкинъ). И к этим счастливым, богатым природным данным, к богатой, творчески-капризной и неудержимой, своеобразной фантазии, к этому чувству прекрасного, чувству поэзии, скоро присоединилось знание поэзии и большая поэтическая работа — то воспитание в тиши своего гения, о котором говорит Пушкин в пьесе „19 октября 1825“, обращаясь к своему другу Дельвигу со словами:

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Постоянные искания новой поэтической формы, новых образов, ритмов, рифм, новой мелодии, гармонии и пластики стиха, нового выражения своей творческой фантазии, а также любовь к поэзии, заставили юношу Дельвига обратиться к старым мастерам и учиться их опытом, их творческими достижениями освещать свой путь неустанных исканий.

Муза Горация была первой вдохновительницей юноши Дельвига, в Горации он угадал и полюбил „чистые идеалы чувственного совершенства“, пластическую красоту, ясность и простоту античности, Гораций был первым вожатаем Дельвига, и этому вожатаему своему поэт оставался верен всю жизнь. Через Горация, сквозь латинские подражания и немецкие переводы, сквозь французские „греческие антологии“, Дельвиг подошел к миру античности и к антологической поэзии, занимающих такое видное место во всем классически-стройном и мелодически-пластичном творчестве Дельвига. Юноша Дельвиг не только полюбил вечно девственные образы античного мира и сумел их перевоплотить своею творческою фантазией: в юношеском, отроческом творчестве Дельвига, в его еще детских (по времени их написания, но не по достигнутому в них художественному совершенству) стихах впервые в русской поэзии так антично и так по-русски прозвучали гекзаметр и элегический дистих.

Мир античности и античная, прекрасная форма—вот первая родина поэзии барона Дельвига. Но, порываясь к античности, вдохновляясь Горацием, Дельвиг не порывал с миром русской поэзии и русской природы. „Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался“ (Пушкинъ). Более того: у Дельвига былъ настоящий культ Державина, и он с волнением ожидал приезда маститого поэта в Царскосельский Лицей, чтобы поцеловать руку, написавшую „Водопадъ“.

С меньшим благоговением, но с большею сердечностью, интимностью, относился он к поэзии сердечного чувства и воображения Жуковского, на которой, заслушиваясь пленительною сладостью мелодики ее, воспитались и он, и Пушкин, и Боратынский... Заслушивался Дельвиг и новыми в XVIII веке сантиментально-народническими песнями и романсами Нелединского-Мелецкого и Дмитриева—и рано превзошел их и создал такую „русскую пѣсню“, из которой уже непосредственно вышел Кольцов (что не трудно доказать, произведя формальный анализ поэтики Кольцова и Дельвига в его „русскихъ пѣсняхъ“). Все уроки прошлого усваивал Дельвиг, жадно впитывая их в себя, чтобы, не останавливаясь, итти дальше и дальше, искать и достигать нового, недостигнутого и,

может быть, недостижимого... Русская поэзия XVIII века, „душегрѣйка новѣйшаго уныния“ Жуковского и элегической школы, сантиментально-народническая лирика Нелединского-Мелецкого, русская стихия и русская песня, русская жизнь и русское чувство, чрез которое преломлялось все ч у ж о е, воспринятое Дельвигом,—такова вторая родина поэта.

Много помогла Дельвигу в его поэтических исканиях нового пути и новой формы немецкая поэзия. Вместе с Кюхельбекером Дельвиг перечитывал в Лицее Клопштока, Шиллера, Гельти, Гете, Фосса, разбирался в их строении стиха и размерах и у них учился языку богов и передаче античного мира и античной строфы.

Дельвиг не долюбливал французской поэзии и видел недостаток Боратынского в том, что последний „правила французской школы всосалъ съ молокомъ матери“; традиционное в русской поэзии французское влияние мало сказалось в творчестве Дельвига. Из этого не следует однако, что Дельвиг вовсе не был знаком с французской поэзией (можно указать даже несколько образцов Дельвига, в которых слышны отклики французской мадригальной поэзии).

В 1829 году — после того, как появилось собрание „Стихотвореній Барона А. А. Дельвига — Пушкин, посылая Дельвигу бронзового

сфинкса, обратился к нему со следующей „Загадкой“:

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

В разгадке этой „загадки“ заключено ядро характеристики всего творчества Дельвига; но так можно было характеризовать творчество Дельвига не только в 1829 году, но и в 1815—1816 гг., когда складывалась его поэтическая индивидуальность и находила себе такое выражение, которому следующее десятилетие могло дать только дальнейшее развитие, не прибавив к нему ничего существенно-нового. В поисках музыкально- и пластически-завершенной и прекрасной формы, Дельвиг уже в 1815—1816 годах создавал такой свободный и своеобразный поэтический рисунок стиха, который выделял его среди современных поэтов; по своему техническому мастерству и разнообразию стихотворных форм, Дельвиг, не будучи выше Пушкина дарованием, уступая ему в силе поэтического Гения, шел часто впереди Пушкина и не только побуждал Пушкина уверовать в свой Ге-

ний и в святость и значительность своего призвания, но и подсказывал Пушкину новые пути, новые формы и новые образы, был в известной мере вожатаем своего гениального друга. В гекзаметре, элегическом дистихе, в сонете и, может быть, в русской песне Пушкин зависел от Дельвига. Всеми этими поэтическими формами, кроме сонета, Дельвиг свободно владел еще в Лицее; но и к сонету он обратился раньше Пушкина и раньше всех других русскихъ поэтов. В 1822 году, тогда, когда „у насъ его еще не знали дѣвы“, Дельвиг для сонета забывал свои „священные напѣвы“ гекзаметра и создавал такие образцовые сонеты, которые стоят рядом с Пушкинским сонетом „Поэту“:

ВДОХНОВЕНІЕ.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ—съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ—обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ частей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!

Неустанное искание новой формы, новых размеров, новой строфы и нового стиха присущи как лицейской, такъ и всей последующей поэзии Дельвига.

Такой исключительный интерес к новой поэтической форме отчетливо проявился у Пушкина только к 1830 году. Какие чудеса ни создавал Пушкин в этом году с октавами, терцинами, сонетом, гекзаметром, элегическим дистихом... Пушкин написал всего три сонета — совершеннейшие и классические сонеты в русской поэзии,—и не даром в одном из них, давая краткую историю сонета, он вспомнил о Дельвиге:

У насъ его еще не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

В строении, композиции и фонетике сонета Пушкин пошел за Дельвигом, как в священных напевах гекзаметра и соединении его с пента-

метром (элегический дистих), усовершенствовав их и придав им большую музыкальную выразительность и скульптурную изобразительность, сохранил все особенности метра и цезуры гекзаметров Дельвига. Владея свободно и мастерски стихом и подчиняя мастерскому стиху свою прихотливую „проказницу фантазію“, подвластную как будто только своим мимолетным и мгновенно меняющимся капризам, юноша-Дельвиг не вступал в состязание, в соревнование с юношей-Пушкиным и был его Іоанном крестителем — предтечей, убеждая юношу Пушкина поверить в свои силы, в то, что он — Мессия русской поэзии, убеждая его серьезно заняться воспитанием своего Гения... Этому предвидению Дельвигом значительности, гениальности Пушкина русская поэзия не мало обязана, как она обязана — и едва ли еще не в большей степени — Дельвигу тем, что он образовал новую большую поэтическую силу — Боратынского, как он указал пути и поддержал в творческом пути Языкова, Деларю, Подолинского...

„Авторское славолюбіе—свидетельствует П. А. Плетнев — не было главною пружиною литературныхъ занятій Барона Дельвига. Онъ, не заботясь объ отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій, сердечно радовался успѣхамъ каждаго истиннаго таланта, потому что съ ними соединяются лучшія наслажденія каждаго образованнаго чело-

вѣка". „Авторское славолюбіе", может быть, даже чрезмерно мало было развито в Дельвиге; и если его чистая и глубокая любовь к поэзии, а также его чуткое понимание прекрасного и поэтического, делали его крупнейшим поэтическим деятелем новой прекрасной эпохи, то отсутствие „авторскаго славолюбія" явилось может быть причиной того, что настоящее, истинное поэтическое дарование Дельвига не получило того развития, какого можно было ожидать после блестящего начала лицейской поры. Очень выразительно об этом говорит его сонет, посвященный Н. М. Языкову:

Младый пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ Парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ—повѣрь моимъ словамъ—
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье

И за себя боговъ благословилъ!
Пѣвца „Пировъ" я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Славой Пушкина и Боратынского больше гордится Дельвиг, чем своей, заслуженной поэтической славой и хранимый им в душе „пламень не напрасный“ ценит больше—не потому, что он его влечет к поэтическому творчеству, а потому, что „имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ съ какою то любовію пристрастной“. Младенчески-чистая и прекрасная душа Дельвига сквозит и во всех его поэтических созданиях...

Блестяще начав свою поэтическую деятельность в Лицее, составив к 1819 году целый том стихотворений (едва ли не больше, чем за всю последующую жизнь), Дельвиг стал в начале 20-х годов, вместе с Пушкиным и Боратынским (вскоре к их именам присоединилось еще имя Языкова) во главе современного поэтического движения и новой поэтической школы. Дельвиг был признан в 20-х годах, и в это время он продолжает работать, продолжает совершенствоваться и стремиться к новым совершенствам. Темп развития однако меняется: Дельвиг верно, но медленно идет вперед и создает свои лучшие сонеты, эпиграммы, идиллии, романсы и пѣсни и задумывает драму. „Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтиче-

скіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны, но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченные въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ, Русская его идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса" (Пушкин).

Медленность поэтического развития и количественно небольшая продуктивность его творческой работы объясняется различными причинами: медленному темпу отчасти способствовала природная лень Дельвига, но едва ли не важнее были другие обстоятельства его общественной и личной жизни, начиная с середины двадцатых годов, или даже точнее, с 1825 года. С 1825 г. Дельвиг стал в большей степени поэтическим деятелем, чем поэтом, издателем лучшего русского альманаха „Сѣверные Цвѣты", а в 1830 году и журналистом-издателем „Литературной Газеты". В качестве редактора „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" и „Литературной Газеты", Дельвиг принужден был поддерживать литературные связи и больше имел дело с чужим творчеством, чем со своим (что при отсутствии в нем „авторскаго славолюбія" и при искренной радости успехам каждого истин-

ного таланта, было ему морально легко). Значение поэтической деятельности, отрывавшей Дельвига от поэтического творчества, должно быть внимательно выяснено, и вряд-ли добросовестный исследователь его поэтическо-издательской деятельности сможет преувеличить ее значение! Другой, не менее важной причиной медленности творческой работы Дельвига была его личная семейная жизнь, не дававшая ему душевного равновесия и спокойствия — необходимого условия для творчества. В 1825 году Дельвиг женился на С. М. Салтыковой, и если брак их многим казался или мог казаться счастливым, то это происходило только потому, что поэт глубоко скрывал свою душевную драму (быть может главную причину его столь преждевременной смерти) и не позволял посторонним любопытствующим взорам проникнуть в нее...

Как бы то ни было, и каким бы то ни было темпом, но, повторяем, Дельвиг шел неустанно вперед в своем поэтическом совершенствовании и создавал свои лучшие произведения, неоцененные, быть может, по достоинству не только потом, но и тогда...

Издание в 1829 году отдельным сборником (первым) „Стихотворений Барона А. А. Дельвига“ и последовавшая через 2 года — 14 января 1831 года — неожиданная для всех его смерть дали повод для современников опреде-

лить и высказать свое отношение к его поэтическому творчеству, оценить его.

П. А. Плетнев писал: „изданіе Стихотвореній Барона Дельвига останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Русской поэзіи текущаго столѣтія. Они дышатъ свѣжестью картинъ; въ нихъ кипятъ чувства; отъ нихъ раздается музыка величественной простоты; они, какъ времена года, блестятъ собственными каждое красотами: кто, прочитавъ ихъ, не почувствуетъ наслажденія, тотъ или отжилъ, или не начиналъ еще жить для восторговъ къ изящному".

Гораздо более определил существо поэзии Дельвига И. В. Киреевский.

Приведем небольшую выдержку из его замечательной оценки творчества Дельвига: „Дельвигъ писалъ немного и печаталъ еще менѣе; но каждое произведеніе его дышетъ зрѣлостью поэтической мечты и доконченностью классической отдѣлки. Его подражанія древнимъ, болѣе чѣмъ всѣ Русскіе переводы и подражанія, проникнуты духомъ древней простоты, Греческою чувствительностью къ пластической красотѣ, и древнею, дѣтскою любовью къ чистымъ идеаламъ чувственнаго совершенства. Но та поэзія, которою исполнены Русскія пѣсни Дельвига, ближе къ Русскому сердцу; въ этихъ пѣсняхъ отзы-

вается гармоническимъ отголоскомъ задумчивая грусть и поэтическая простота нашихъ Русскихъ мелодій".

Задумывал большую статью о Дельвиге и Пушкин, но не привел в исполнение своего намерения. Набросав свои воспоминания о Дельвиге, Пушкин только начал оценку его поэзии и установил, что Дельвиг „не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!" Еще прежде, в 1827 году, Пушкин предполагал поместить свой отзыв об идиллиях Дельвига и писал о них: „Какую должно имѣть силу воображенія, дабы изъ Россіи такъ переселиться въ Грецію, изъ 19 столѣтія въ золотой вѣкъ — и необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, — эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, не допускающую ничего запутаннаго, темнаго или глубокаго, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ, напряженнаго въ чувствахъ, ничего, что отзывалось бы новѣйшимъ остроуміемъ, сію вѣчную новизну и нечаянность простоты и добродушія, дабы такъ совершенно оградить себя отъ прозаическаго вліянія остроумія, умничанія, отъ игривой неправильности романтизма, дабы сохранить пол-

ноту и равновѣсіе чувствъ, тонкость соображеній...“

Дадимъ также место голосу из образованной толпы—современников Дельвига: „Достоинства его, какъ Писателя, давно уже оцѣнены. Поэзія его—отпечатокъ души, олицетворенныя мечты, также прекрасна какъ и она; въ ней является таже чистота и изящность формъ. Въ народной поэзіи онъ явился самостоятельнымъ Геніемъ,—его пѣсни, кажется, слышались намъ въ самой колыбели; онѣ останутся у насъ въ памяти вмѣстѣ съ баснями Крылова—(А. Н. Вульф).

Мы ничего не прибавим к этим отзывам лучших современников барона Дельвига. Современники его высоко ставили его поэтическое дарование, его поэтическое мастерство, его подражания древним и русским народным песням, а романсы его распевались всем русскимъ образованным и необразованным обществом и скоро потеряли имя автора, своего творца.

Потомство несправедливо забыло одного из крупнейших поэтов и поэтических деятелей начала XIX века, дав ему место в ряду второстепенных поэтов Пушкинской эпохи. Пора пересмотреть вопрос о Дельвиге.

Эта пора действительно наступила, и в последнее время начинают накапливаться мате-

риалы по Дельвигу, касающиеся его жизни и творчества. Большой биографический материал по Дельвигу заключен в напечатанных в 1912 году мемуарах двоюродного брата поэта — барона А. И. Дельвига „Мои воспоминанія“ и в 1915 году—„Дневникѣ А. Н. Вульфа“ (XXI-XXII выпуски сб. „Пушкинъ и его современники“); еще больший материал по биографии Дельвига находится в поступивших за последнее десятилетие в Пушкинский Дом при Российской Академии Наук архивах С. Д. Пономаревой и имения Мары (Дельвигов-Боратынских; письма Дельвига к невесте —С. М. Салтыковой извлечены нами из этого архива и будут напечатаны в ближайшем выпуске „Временника Пушкинского Дома“). Более всего богатые материалы для изучения жизни и творчества Дельвига дает однако архив В. П. Гаевскаго, спасенный в некоторой его части в 1919 году Пушкинским Домом и заключающий в себе между прочим: 1) два рукописных, автографических сборника (2 тома)—„Стихотворенія Барона А. А. Дельвига Помощника Императорскаго Библіотекаря и Члена разныхъ ученыхъ Россійскихъ Обществъ“, 2) две тетради с черновыми записями стихотворений и критических статей, помещенных Дельвигом в „Литературной Газетѣ“, 3) отдельные листки с беловыми автографами стихотворений Дельвига, 4) экземпляр „Лите-

ратурной Газеты“ с пометами В. П. Гаевскаго, указывающими (ссылками на недошедшие до нас черновые рукописи Дельвига) на принадлежность Дельвигу той или иной статьи или заметки и пр.

Все эти новые богатые материалы ценны не только тем, что они открывают множество—и часто лучших—новых стихотворений, новых статей (свыше 50) и новых писем Дельвига, а также и тем, что они знакомят нас с историей создания его произведений, с историей его творчества, дают новые даты и новые существенные и любопытные варианты, дают возможность по новому ставить вопрос о поэтическом творчестве Дельвига. Материалы Пушкинского Дома ставят на очередь вопрос об издании полного собрания стихотворений, критических статей и писем Дельвига, а также вопрос об изучении его жизни и творчества, оценки его творчества и исследования его историко-литературного значения и положения в русской поэзии XIX века.

Задача наша в настоящем случае сводится только к опубликованию новых стихотворений (в приложении мы даем стихотворения Дельвига, не вошедшие в „полныя собрания сочинений“, что, вместе взятое, увеличивает более чем на одну треть количество стихотворений

Дельвига), и мы не ставим себе задач исследования, но уверены, что настоящее издание неизданных стихотворений Дельвига—только первая ласточка, предвещающая весну—полное и всестороннее изучение жизни и творчества истинного и крупного поэта Пушкинской эпохи.

М. Л. Гофман.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Въ сей Книгѣ, въ кипѣ сей стиховъ
Найдутъ слѣды моихъ мечтаній,
Которыя, какъ жизнь блестящихъ мотыльковъ,
Какъ сны волшебные младенческихъ годовъ,
Исчезли—а меня съ толпой заботъ, страданій
Оставили бороться одного.
Я благодаренъ вамъ, о Боги! ничего
Ненужно для моихъ умѣренныхъ желаній.
Я много получилъ, чтобы въ родной странѣ
Трудяся щастливой предаться тишинѣ:
Спокойствіе души, запасъ воспоминаній
И бѣдный къ пѣснямъ даръ, но вами жъ данный мнѣ.

13. XI. 1818.

ДИѲИРАМБЪ.

Либеръ, Либеръ! я шатаюсь,
Все вертится предо мной—
Дай мнѣ руку и съ землей
Я надолго распрощаюсь.

Милый богъ, подай бокалъ,
Не пустой и не съ водою:
Нѣтъ, съ той влагой золотою,
Чѣмъ я горе запивалъ!

Золъ Амуръ, клянусь богами!
Золъ, я самъ то испыталъ:
Святотатецъ, разбавлялъ
Онъ вино мое слезами!

Говорятъ: проказникъ самъ—
Лишь вино въ бокалъ польется
Присмиреетъ, засмѣется
И хорошъ бываетъ къ намъ!

Такъ пой его ты вѣчно
Сокомъ радостнымъ твоимъ
Царствуй, царствуй въ дружбѣ съ нимъ,
Возврати намъ миръ сердечной!

Какъ въ то время я напьюсь,
Въ честь твою, о краснощёкой!
Какъ я весело съ жестокой
Какъ я сладко обнимусь!

ЭПИТАФІЯ (Експромтъ)

Прохожій! здѣсь лежитъ философъ человѣкъ,
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ,
Чтобъ доказать, какъ правъ былъ Соломонъ
Сказавъ: „Все суета! все сонъ!“

ПОЭТЪ.

Что до Боговъ? Пускай они
Судьбами управляютъ міра!
Но я, когда со мною Лира—
За свѣтлы области Эфира
Я не отдамъ златые дни
И съ сладострастными ночами.
Предъ небомъ тщетными мольбами
Я не унижуся нѣтъ, нѣтъ!
Въ самомъ себѣ блаженъ Поэтъ.

Всегда, вездѣ его душа
Найдетъ прямое сладострастье!
Ему ль разслабнуть въ нѣгѣ, въ щастьѣ?
Нѣтъ! взгляньте въ бурное ненастье,
Стихій свободою дыша:
Сквозь дождь онъ городъ пробѣгаетъ
И сельскій Аквилонъ играетъ—
На древнихъ дикостью скалахъ
Въ Его измокшихъ волосахъ!

Познайте! хоть подъ звукъ цѣпей
Онъ усыплялся бъ въ колыбели,
А вкругъ преступники гремѣли
Развратной радостію въ хмѣли:
И тутъ бы онъ мечтѣ своей
Далъ возвышенное стремленье,
И тутъ бы грозное презрѣнье
Пороку грянуло бъ въ отвѣтъ
И выше бъ Рока былъ Поэтъ.

ПѢСНЯ.

Какъ не больно сердца муки
Схоронять въ груди своей;
Но больнѣе въ часъ разлуки
Не прижать родную къ ней,

Не услышать слово: милой,
Не понять понятный взглядъ—
И мученій ждать уныло
Вмѣсто всѣхъ себѣ наградъ.

Всежъ не больно, есть больнѣе,
Чѣмъ страдаю, что терплю!
Я бъ хотѣлъ любить нѣжнѣе,
Не комужъ сказать: люблю.

Сердце ищеть раздѣлиться —
Но кого и гдѣ найти?
Какъ слезамъ изъ глазъ не литься,
Какъ цвѣтку не отцвѣсти.

КЪ ЛИЛЕТѢ (зимӧй)

Такъ, всё исчезло съ тобой! брожу по колѣно
въ сугробахъ,
Завернувшись плащемъ, по опустѣлымъ лу-
гамъ;
Грустный стою надъ рѣкой, смотрю на угрю-
мую сосну,
Вслушиваюсь въ водопадъ: но онъ во льди-
нахъ виситъ
Грозной зимой пригвожденный къ дикимъ без-
молвнымъ гранитамъ;
Вижу пустое гнѣздо вѣтромъ зарытое въ
снѣгъ
И напрасно ищу пѣвицы веселаго Мая.

„Гдѣ ты, дѣва любви? — я восклицаю въ
лѣсахъ—"
Гдѣ Лилета! иль позабыла ты друга, какъ Эхо,
Какъ Эхо забыло твой голосъ.
Вѣчно ли слезы мнѣ лить и мучиться въ тяжкой
разлукѣ

Мыслію: все ль ты моя? Или мнѣ встрѣтить
весну,
Какъ встрѣчаетъ къ жизни семействомъ привя-
занный узникъ,
Послѣ всѣхъ милыхъ надеждъ, день обречен-
ный на казнь.
О, не страшися зимы! (я писалъ не слушаясь
сердца),
Много есть прелестей въ ней, я ожидаю
тебя!
Наша любовь оживитъ всѣ радости юной при-
роды,
Въ воспоминаньи, въ мечтахъ, въ страстномъ
пожатіи рукъ
Мы не услышимъ съ тобой порывистыхъ сви-
стовъ мятели!
Въ холодъ согрѣешься ты въ жаркихъ объятьяхъ
моихъ
И поцѣлуемъ Тоску отъ нещастнаго друга от-
гонишь
Мрачную, съ блѣднымъ лицомъ, съ думою
тихой въ очахъ
Скрытыхъ развитыми кудрями, впалыхъ глу-
боко подъ брови,
Спутницу жизни моей, страсти нещастливой
дочь.

КЪ Е. А. КИЛЬШТЕТОВОЙ.

Я виноватъ, Елена! передъ вами,
Такъ виноватъ, что съ вашими глазами
Не знаю какъ и встрѣтиться моимъ!
А знаете ль, какъ это больно имъ?
Ахъ, для меня на свѣтѣ все постыло,
Коль не глядѣть на то, что сердцу мило,
Коль свѣжихъ устъ улыбку не поймать
Мелькнувшую по вспыхнувшимъ ланитамъ,
И грудь подъ дымкою не наблюдать,
Какую бы, скажу на зло пѣтамъ,
Дай Богъ имѣть и Греческимъ Харитамъ
Подумайте жъ, какъ трудно мнѣ лишать
Свои глаза тѣхъ сладостныхъ мгновеній,
Когда бъ они на васъ могли взирать
И вашихъ ждать, какъ Божьихъ, повелѣній.
А какъ велѣть медлительной рукѣ
Все уписать на памятномъ листкѣ,
О чемъ всегда я мыслю и мечтаю,
Что самъ себѣ за тайну повѣряю!
Нѣтъ не могу, Елена! Пусть иной

Васъ назоветъ: Богинею Весной,
Иль Душенькой или самой Венерой;
Пускай онъ слухъ обворожая нашъ
Опишетъ васъ прекрасной страстной мѣрой! —
И сей портретъ не будетъ вѣрно вашъ!
Вы на Богинь не схожи, не жалѣйте!
Тщеславія пустаго не имѣйте
Похожей быть на мраморъ! Фидій самъ
Признался бы, что онъ подобной вамъ
Обязанъ былъ прелестнымъ Идеаломъ
Своихъ Богинь. Ихъ вѣра покрываломъ
Задернула и освятивъ обманъ,
И окруженъ былъ чернью Истуканъ.
И можетъ быть виновница ихъ славы
Ходила тожъ просить Богинь забавы
Чтобы всегда былъ Фидій вѣренъ ей.
Тебя ль забыть! Ты красотѣ своей
А не мольбѣ обязана гречанка.
И милая, младая Россіянка
Захочетъ ли, чтобъ кто ее сравнилъ,
И въ похвалу! съ ее жъ изображеньемъ?
Куда бы я попалъ съ такимъ сравненьемъ?
Нѣтъ хорошо, что васъ я не хвалилъ!

КЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

И будетъ жизнь не въ жизнь и радость мнѣ не
въ радость,
Когда я дни свои безвѣстно перечту
И столь веселымъ мнѣ блистающую младость,
Съ надеждами, съ тоской оставлю какъ мечту.
Когда какъ низкій лжецъ, но сѣдиной почтен-
ный
Я устыжусь сѣдинъ, я устыжусь тебя
Мой другъ, вожатый мой въ страну, гдѣ ослѣп-
леный
Могу какъ Фаэтонъ я посрамить себя.
Когда о будущемъ мечтаній прежнихъ сладость
Не усладитъ меня, а будетъ мнѣ въ укоръ —
И свѣтлый гаснущимъ и робкимъ взглянетъ
взоръ,
Тогда и жизнь не въ жизнь, и младость мнѣ не
въ младость!

И будетъ жизнь не въ жизнь и младость мнѣ
не въ младость,
Когда души моей любовь не озаритъ
И сотворенная мнѣ въ щастіе и радость
Не принесетъ мнѣ ихъ, а сердце отравитъ.
Когда младой груди я видѣлъ трепетанье,
Устъ слышалъ поцѣлуй, ловилъ желанья глазъ,
И не завидуя, щастливый въ ожиданьѣ
Когда измученный не буду знать я васъ:
Тогда къ чему мнѣ жизнь, къ чему мнѣ въ
жизни младость,
И въ младости зачѣмъ восторги и мечты?
Я для того ль срывалъ ихъ вешніе цвѣты,
Чтобъ жизнь была не въ жизнь, и радость мнѣ
не въ радость?

ПОДОЛЬСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
Д. Д. ЛЕНСКОГО

ОСЕННЯЯ КАРТИНА.

Когда земля отдастъ плоды
Трудовъ зимы, весны и лѣта;
И, желтой мантіей одѣта,
Вездѣ печальные слѣды
Являетъ роскоши минувшей,
Подобно радости мелькнувшей
Быстрѣе молніи небесъ;
Когда вершиной черный лѣсъ
Шумя качаетъ надъ туманомъ
И запоздалый съ Океаномъ
Усталый борется пловецъ,
Тебѣ, Нептунъ, 'даетъ обѣты,
Чтобъ не испить съ струею Леты
Отрады горестныхъ сердецъ.—
Я на конѣ скачу ретивомъ
И по горамъ и по полямъ,
И вихремъ веселюсь игривомъ,
Который мчится по степямъ,

Играющимъ листомъ и прахомъ;
И селянинъ его—со страхомъ
Подъ вечеръ торопясь домой—
Бродящей тѣнью почитаетъ,
Которую Харонъ сѣдой
Въ Аидовъ домъ не пропускаетъ;
Ее протяжный слышенъ вой,
Онъ погребенья умоляетъ.

ДОСАДА.

Какъ пѣсенька моя понравилась Лилетѣ,
Она ее—ну цѣловать!
Эхъ други! тутъ бы ей сказать,
Лилета, поцѣлуй весь пѣсенникъ въ поэтѣ!

ЭЛИЗІУМЪ ПОЭТОВЪ.

За мрачными, Стигійскими брегами,
Гдѣ въ тишинѣ Элизіумъ цвѣтетъ,
Минувшіе пѣвцы гремятъ струнами
Ихъ шумный гласъ минувшее поетъ.

Толпой вѣка въ молчаніи надъ ними,
Облокотясь другъ на друга рукой:
Внимаютъ пѣснь и челами сѣдыми
Киваютъ, бѣгъ воспоминая свой.

И изрѣдка вѣками сонмъ почтенный
На мрачный брегъ за Эрміемъ грядетъ—
И съ торжествомъ въ Элизіумъ священный
Тѣнь Генія отцвѣтшаго ведетъ.

Гремитъ ихъ пѣснь: „проклятъ, проклятъ Богами,
Кто посрамилъ стихами Музъ соборъ!
О горе! онъ, чугунными цѣпями,
Какъ Прометей, прикованъ къ темю горъ;

Вранъ зависти льетъ хладъ въ него крылами
И сердце рветъ и Фурій грозный взоръ
Разитъ его:—Проклятъ, проклятъ Богами!“
Съ шипѣньемъ змѣй ихъ раздается хоръ.

— О юноша съ невинною душою,
Палладою и Фебомъ озаренъ,
Почто ступилъ ты дерзкою ногою
За Кипрою, мечтами ослѣпленъ?

Почто пѣвецъ, когда къ тебѣ стучалась
Прелестница вечернею порой
И тихо грудь подъ дымкой колебалась
И взоръ свѣтлѣлъ притворною слезой:

Ты позабылъ твой жребій возвышенный
И пренебрегъ душевной чистотой
И, потушивъ въ груди огонь священный,
Ты Бахуса манилъ къ себѣ рукой:

И Бассарей съ кистями винограда
Къ тебѣ пришелъ, шатаясь на ногахъ,
Съ улыбкой рекъ: Вотъ бѣдствіямъ отрада,
Люби и пей на дружескихъ пирахъ.

Ты въ руки ковшъ, онъ выжалъ сокъ шипящій,
И Грація закрылася рукой
И отъ тебя мечтаній рой блестящій
Умчался вслѣдъ невинности златой.

И твой удѣлъ у Пинда пресмыкаться,
Не будешь къ намъ ты Фебомъ пріобщенъ!
Блаженъ, кто могъ съ невинностью пробраться
Чрезъ грязный міръ возвышеннымъ плѣненъ.

ЖАВОРОНОКЪ.

Люблю я задумываться,
Внимая свирѣли;
Но слаще мнѣ вслушиваться
Въ воздушныя трели
Весенняго жаворонка!

Съ какою ты сладостію
Зарю величаешь!
Томленіемъ, радостію
Мнѣ душу стѣсняешь
Больную измученную!

Весною разкованная
Земля оживаетъ,
Тобой очарованная
Сильнѣе пылаетъ
Любовью живительною.

Какъ ловитъ растерзанная
Душа его звуки!
И сладко утѣшенная
На мигъ забывъ муки
На небо не жалуется!

КЪ К. Т. В.

Къ чему на памятномъ листкѣ мнѣ въ васъ
хвалить
Ума и красоты щастливое стеченье?
Твердить, что видѣть васъ ужъ значитъ полю-
бить
И чувствовать въ груди восторги и томленье!
Забавно отъ родни такое восхищенье!
И это все другой вамъ будетъ говорить!
Но щастья пожелать и добраго супруга
А съ нимъ до старости пріятныхъ, свѣтлыхъ
дней—
Вотъ всѣ желанія родни и друга
Равно и для Княжны и для сестры моей.

ФАНИ.

Гораціанская ода.

Мнѣ ль подъ оковами Гимена
Все видѣть то же и одно?
Мое блаженство—перемѣна
Я дѣвъ мѣняю, какъ вино.

Темира, Дафна и Лилета
Давно, какъ сонъ забыты мной
И ихъ для памяти поэта
Хранитъ лишь стихъ удачной мой.

Чѣмъ съ дѣвой робкой и стыдливой
Случайно быть наединѣ,
Дрожать и мигъ любви счастливой
Ловить въ ея притворномъ снѣ:

Не слаще ли прелестной Фани
Послушнымъ быть ученикомъ,
Платить любви безпечно дани
И оживлять восторги сномъ.—

КЪ ФАНТАЗІИ.

Сопутница моя златая,
Сестра крылатыхъ сновъ!
Ты свѣжесть въ нектаръ изливая
На пиршествѣ Боговъ,
Съ ихъ древнихъ челъ свѣваешь думы,
Лишаешь радость крылъ
Склонился къ чашѣ Зевсъ угрюмый
И громы позабылъ.

Ты предпочла меня Пінта
Толпѣ другихъ дѣтей!
Соломой хижина покрыта,
Пріютъ семьи моей,
Тобой Богиня претворялась
Въ очарованный храмъ
И у младенца разливалась
Улыбка по устамъ.

Ты мотыльковыми крылами
Порхая передъ нимъ—
То межъ душистыми цвѣтами,
То надъ ручьемъ златымъ
Его манила вверхъ утеса
Съ гранита на гранить
Гдѣ въ бездну съ мрачнаго навѣса
Сѣдой потокъ шумитъ.

Мечтами грудь его вздымала
И, свитые кольцомъ,
Съ чела открытаго сдувала
Ты кудри вѣткомъ.
Пусть гулъ катился отдаленный
Дождь въ листья ударялъ:—
Тобой Богиня осѣненный
Младенецъ засыпалъ.

Огни ночные, блескъ зарницы,
Падущей льдины громъ
Его пушистыя рѣсницы,
Отягощенны сномъ
Къ восторгамъ новымъ открывали
И къ трепетамъ святымъ
И въ мракѣ свода ужасали
Видѣніемъ ночнымъ. .

Заря сидящаго пѣта
Встрѣчала на скалахъ,
Цвѣтами вешними увита
И съ лирою въ рукахъ.
Тобой, Богиня, вдохновенный
Съ вершинъ горы сѣдой
Свирѣли вторилъ отдаленной
Я пѣснію простой:

Что ты пастушка пріуныла?
Не пляшешь, не поешь?
Къ колѣнамъ руки опустила,
Идешь и не поешь?
Во взорѣ, въ поступи томленье,
Въ лицѣ пылаетъ кровь,
Ты и въ тоскѣ и въ восхищеньѣ!
Навѣрно то любовь?

Но ты закрылася руками!
Мнѣ отвѣчаешь: нѣтъ!
Не закрывай лица руками,
Не отвѣчай мнѣ: нѣтъ!
Я слышалъ, Хлоя, отъ пастушекъ,
Кто въ насъ волнуетъ кровь;
Я слышалъ, Хлоя, отъ пастушекъ
Разсказы про любовь!“

Кругомъ свѣжѣе разливался
Цвѣтовъ пустынный духъ,
И проходящій улыбался
Мнѣ весело пастухъ:
Взгляни на бѣднаго Дафниса
Онъ смокъ и пріунылъ!
Нещастнаго забыла Ниса,
Онъ Нису не забылъ!

Такъ ты, Фантазія, учила
Ребенка воспѣвать,
Къ свирѣли пальцы приложила
Велѣла засвистать!
Невинный щастливъ былъ тобою,
Когда черезъ цвѣты
Вела безпечною рукою
Его играя ты.

Какъ сладко спящаго покрыла
Въ послѣдній разъ ты сномъ
И грудь младую освѣжила
Махающимъ крыломъ.
Я вскрикнулъ грезой устрашенный,
Взглянулъ—ужъ ты вдали,
Летишь, гдѣ неба сводъ склоненный
Падетъ за край земли.

Съ тѣхъ поръ ты мчишься все быстрѣе,
А все манишь меня!
Съ тѣхъ поръ прелестнѣй ты, живѣе,
Унылъ и томенъ я.
Жестокая, пустыми ль снами
Ты хочешь замѣнить
Все, что младенчества я днями
Такъ мало могъ цѣнить.

Кѣмъ ты, волшебница, явилась
Мнѣ съ утренней звѣздой,
И застыдившись, приклонилась,
Обвивъ меня рукой,
Къ плечу прелестными грудями?
Скажи, кто окропилъ
Меня горячими слезами
И скрывшись, пробудилъ?

Чей это образъ несравненный?
Кто та кѣмъ я дышу?
О ней, грозою окруженный,
На древѣ я пишу;
Боговъ усердными мольбами
Ее узрѣть молю
Чего не дѣлаешь ты съ нами
Увы, и я люблю.

КЪ ЕЛЕНѢ.

Когда Амуръ еще былъ вашимъ Богомъ
И Граціи васъ кликали сестрой,
Когда самой Психеѣ красотой
Вы уступить могли, ей ей! не въ многомъ:
Я, какъ поэтъ, какъ важной Музы жрецъ
Лишь истинѣ и красотѣ служащій
Дерзалъ васъ пѣть и свѣжестью блестящій
Вамъ изъ цвѣтовъ Парнасскихъ плелъ вѣнецъ.
И, признаюсь, я часто въ восхищеньи
Васъ представлялъ читающихъ тайкомъ
Мои стихи въ безмолвномъ умиленьи,
И жадно ждалъ, когда своимъ пѣвцомъ
Щастливаго меня вы назовете
И уголокъ мнѣ въ сердцѣ отведете.
Я такъ мечталъ—вдругъ добрый Гименей
Смѣнилъ у васъ повѣсу Купидона
И отъ Харитъ васъ приняла Юнона.
Я въ радости возжегъ мастики ей,
(Хотя не такъ люблю я эту даму—
Не стыдно ли ей къ мужу ревновать?)

И написалъ притомъ Эпиталаму.
Но вотъ бѣда! мнѣ страшно показать
Вамъ прежніе стихи мои, Елена?
Что если вашъ супругъ, хоть онъ поэтъ!
(Но у меня къ женатымъ вѣры нѣтъ!)
Вообразитъ, что я согнулъ колѣна
Какъ влюбчивый предъ вами Селадонъ?
Нѣтъ, можно ли, чтобъ такъ ошибся онъ?
Мнѣ нечего поэта опасаться!
Я васъ предамъ потомству, хоть въ мечтѣ.—
Онъ знаетъ, мы привыкли поклоняться
Какъ Божествамъ уму и красотѣ.

Ѳ. Н. ГЛИНКѢ

(присылая ему Греческую Антологію).

Вотъ пѣвцу Антологія, легкихъ Харитъ украшенье,
Греческихъ, свѣжихъ цвѣтовъ вѣчно-плѣняющій пухъ!
Рви ихъ любимецъ Боговъ и сплетай изъ нихъ русскимъ Каменамъ
Неувядаемые въ Хроновомъ царствѣ вѣнки.

РОМАНСЪ.

— Проснися, рыцарь, путь далёкъ
До Царскаго Турнира,
Лучь солнца жарокъ, взнузданъ конь,
Насъ ждетъ владыка міра!—

„Оставь меня! Пусть дологъ путь
До Царскаго Турнира,
Пусть солнце жжетъ, пусть ждетъ иныхъ
Къ себѣ владыка міра!“

— Проснися, рыцарь, пробудись!
Сонъ по трудамъ услада;
Спѣши къ столицѣ! Царска дочь
Храбрѣйшему награда!—

„Что мнѣ до дочери Царя?
Мнѣ почестей не надо!
Пусть ихъ лишусь—оставь мнѣ сонъ,
Мнѣ только въ немъ отрада!

„Имѣлъ я друга—друга нѣтъ,
Имѣлъ супругу—тоже!
Ихъ взялъ Создатель! я-жъ молюсь:
Къ нимъ и меня, мой Боже!

„Ложусь въ молитвѣ, сонъ едва
Глаза покроетъ: что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидаютъ ложе

„Меня ласкаютъ, говорятъ
О Царствѣ Божьемъ, нѣжно
Мнѣ улыбаются, манятъ
Меня рукою снѣжной!

„Куда? За ними! но привстать
Нѣтъ силъ! Что силю я, знаю:
Но съ ними жить и въ снѣ я радъ
И въ снѣ ихъ зрѣть желаю!“

ПЕРЕВОДЧИКУ ВИРГИЛІЯ.

Ты переводчикъ, я читатель
Ты усыпитель—я зѣватель.

КЪ ЛАСТОЧКѢ.

Что мнѣ дѣлать съ тобой, докучная ласточка!
Каждымъ угромъ меня—едва зарумянится
Небо алой зарей и блѣдная Цинтія
Тамъ въ туманы покатится—
Каждымъ утромъ меня ты крикомъ
безумолкнымъ
Будишь, будто на зло! А это любимое
Время рѣзвыхъ дѣтей Морфея, цѣлительный
Сонъ на смертныхъ ліющаго.
Ихъ крилатой толпѣ Зефиры предшествуютъ,
Съ ними самъ Купидонъ летаетъ къ любов-
никамъ
Образъ милыхъ казать и щастьемъ мечта-
тельнымъ
Тѣшить жертвы Кипридины.
Вотъ ужъ третью зарю, болтливая ласточка!
Я съ Филидой моей тобой разлучаюся!
Только въ блескѣ красы пастушка появится
Иль Психеей иль Гебою,

Только склонитъ ко мнѣ уста пурпуровыя
И ужъ мой поцалуй кипя нетерпѣніемъ
Къ нимъ навстрѣчу летитъ — ты вскрикнешь и
милая
Съ грезой милой скрывается!
Нынѣ былъ я во снѣ безсмертныхъ щастливѣе!
Вижу, будто бы я на берегѣ Пафоса,
Сзади храмъ, вкругъ меня мирты и лиліи,
Я дышу ароматами,
Взоръ не можетъ снести сіянья небеснаго,
Волны моря горятъ, какъ розы весеннія,
Свѣтлый міръ въ торжествѣ и въ дивномъ
молчаніи
Боги къ морю склонилися.
Вдругъ вскипѣли валы и пѣной жемчужною
Съ блескомъ вьются къ брегамъ и звуки
чудесные
Слухъ мой нѣжатъ, томятъ, какъ арфа Эолова,
Я гляжу—вдругъ является....
Ты ль раждаешься вновь изъ волнъ, Аматузія?
Боги! пусть это сонъ! Филида явилася
Съ той же лаской въ очахъ и съ тою жъ
улыбкою—
Я упалъ—и отчаянный,
Ахъ, Богиня! вскричалъ, зачѣмъ обольстить
меня?
Ты невѣрна—а я думалъ Филидою
Вѣкъ мой жить и дышать.—Утѣшься, обманутый,
Милый другъ мой! (воскликнула)

Снова въ нашихъ лугахъ Филида, по прежнему
Въ свѣжихъ кудряхъ съ вѣнцомъ, въ нарядѣ
пастушескомъ—
Другъ утѣшься, я все... болтливая ласточка,
Ты крикунья докучная,
Что мнѣ дѣлать съ тобой—опять раскричалася!
Я проснулся—вдали едва зарумянилось
Небо алой зарей и блѣдная Цинтія
Тамъ въ туманы скатилася.

КРЫЛОВУ.

Ужъ я не тотъ поэтъ безпечный,
Товарищъ рѣзвый свѣтлыхъ дней,
Когда Эротъ и Бассарей
Мнѣ говорили: другъ, мы вѣчны!
Пусть дни и годы скоротечны—
Но мы съ тобой—люби и пей!
Они ушли—лѣта златыя!—
Когда отъ чаши круговой
Эротъ, Хариты молодыя
И смѣхи, шумною толпой,
Меня влекли къ ногамъ Эльвиры.
Крыловъ, въ то время голосъ мой
Подъ звуки вдохновенной лиры,
Непринужденно веселилъ
Веселостью непринужденной:
А нынѣ твой поэтъ, лишенный
Неопытныхъ, но смѣлыхъ крилъ,
Вѣнкомъ поблекшимъ украшенный,

На землю бѣдную ступилъ
И опытъ хладный заключилъ
Его въ жестокія объятья.
Въ боязни Фебова проклятья
Не смѣю я стиховъ писать—
Лишь иногда во дни ненастья
Люблю о прежнемъ вспоминать
И мной невѣдомаго счастья
Поэтамъ юношамъ желать.

ВЪ АЛЬБОМЪ П. А. СПА—КОЙ.

Я не привыкъ Альбомы наполнять
Надеждами, желаньями и лестью—
А къ Вамъ еще (позвольте мнѣ сказать)
Ужасною я пламенѣю местью
Недѣли три и, помнится, съ тѣхъ поръ,
Когда Альбомъ Вы этотъ мнѣ отдали,
Чтобъ я съ пеленъ Парнасскихъ крохоборъ,
Вписалъ въ его воздушныя скрижали
Для памяти Вамъ съ рюмами кой-что.
Для памяти? Признаться, врядъ ли кто
Похвалится такой Судьбой завидной!
И такъ Альбомъ Вы помните, какъ видно,
Поболѣе знакомыхъ Вашихъ! Чтожъ?
Вамъ Богъ проститъ. Я жъ на послѣдній грошъ
Готовъ свѣчу предъ образомъ поставить
И передъ нимъ день цѣлый пролежать
Лишь только бъ могъ Васъ хоть Альбомъ
заставить
Меня въ часы бездѣлья вспоминать.

Софія, Вамъ свои сонеты
Поэтъ съ весельемъ отдаетъ:
Онъ знаетъ, отъ печальной Леты
Альбомъ Вашъ вѣрно ихъ спасетъ.

Нѣтъ, я не вашъ, веселые друзья,
Мнѣ беззаботность измѣнила—
Любовь, любовь къ молчанію меня
И къ тяжкимъ думамъ пріучила.

Нѣтъ, не сорву съ себя ея оковъ!
Въ ея восторгахъ не дѣлимыхъ
О, сколько мукъ! О, сколько сладкихъ сновъ!
О, сколько чаръ неодолимыхъ.

Анахоретъ по принужденью
И злой болѣзни и врачей
Привыкъ бы я къ уединенью
Привыкъ бы къ супу изъ костей
Не давъ испортить сожалѣнью
Физіономіи своей;
Когда бы непонятной силой
Очаровательницъ иль Фей
На мигъ изъ комнаты моей
И молчаливой и унылой
Я уносился объ каждый день
Въ вашъ кабинетъ Каменамъ милой.
Пусть какъ испуганная тѣнь
Пѣвца предъутренняго пѣньемъ
Послушать, поглядѣть на васъ,
Съ тѣмъ бы безропотнымъ терпѣньемъ
И къ небесамъ съ благодареньемъ
Я объ улсталъ къ себѣ подъ часъ!
Я услаждалъ бы симъ мгновеньемъ
Часы медлительнаго дня
Отнятаго у бытія
Недугомъ злымъ и для меня
Приправленнаго скукой тяжкой.

НОЧЬ НА 24 ИЮНЯ.

Есть многое въ природѣ, другъ Горацio,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.

Шекспиръ.

СЦЕНА 1-я.

(Деревенское кладбище съ двумя или тремя каменными памятниками. Подлѣ одного памятника разрыта могила, около нее летаетъ блѣдное пламя. Въ ногахъ могилы пламя останавливается, разгорается и освѣщаетъ темную человѣческую фигуру).

Онъ.

Встань, старый грѣхъ! Пора! Разоспалась ты и позабыла клятвы! Имъ исполненье наступило! Вставай! Иль какъ ужъ разъ заснешь сномъ человѣческимъ, послѣднимъ и не вольнымъ, то и не хочется проснуться? Такъ не давала бы заранѣ слова! Вставай и пойди за мною.

Мертвая.

Ой, ой, ой! Кто будитъ жизнь въ умершихъ членахъ. Его слова дыханья смерти холоднѣе! Предъ ними сырость гроба сладка какъ для

живыхъ младенцевъ теплота родимой грудй. Встаю могучій! Движуся всѣмъ тѣломъ, какъ живая, раздѣляю съ усиліемъ запекшіеся вѣки и гляжу. Кто ты?

Онъ.

Я черный баринъ, какъ ты слыхала въ балаганахъ о святой! Иль проще будочникъ кладбищный. Да впрочемъ тебѣ какое дѣло до меня?

Мертвая.

Я же кто была? За какія клятвы ты меня тревожишь, страшный!

Онъ.

Вотъ это иное дѣло! Я разскажу, послушай! Да не прими разсказа моего за сказку и не засни опять! Не для того тебя я разбудилъ, нѣтъ, вспоминай, чтобъ знать что дѣлать. На всякій случай выдька изъ могилы, не лѣнися!

Мертвая.

Охъ, говори, не мучь меня, проклятый!

Онъ.

Ты была не чудо! Просто нянчила въ сосѣдствѣ съ симъ кладбищемъ ты злую дочь помѣщицы Княгини Пронской! Дочь вышла замужъ и ты съ ней отправилась жить въ помѣстье Князя Серебренова, ея мужа, а тамъ и умерла.

Мертвая.

Помню, помню!

Онъ.

А помнишь ли воспитывалась съ нею вмѣстѣ подкидышъ дѣвушка, которую они какъ барышню учили и какъ служанку презирали?

Мертвая.

Марію? помню.

Онъ.

Какъ пріѣхалъ, окончивъ заграничное ученье Князь молодой и влюбился въ прекрасную Марію!

Мертвая.

Святыя души? имъ бы жить и царствовать и насъ своимъ примѣромъ умудрять.

Онъ.

Да нѣмцы помогли намъ! Въ немъ умъ и душу настроили высоко, не по земному ладу! Онъ обольстилъ смиренницу и матушку Княгиню поздравилъ съ надеждою быть бабушкой!

Мертвая.

Охъ грѣшница! Злой демонъ, что ты мнѣ вспоминаешь?

Онъ.

Дослушай, не тревожься! Матушка Княгиня въ тотъ же вечеръ тихонько посадила невѣстку будущую въ бричку и отослала къ вамъ на попеченье. Нравъ дочери любезной вполнѣ она цѣнила! Сына жъ въ бреду горячки отвезла въ столицу и записала въ службу.

Мертвая.

Охъ!

Онъ.

Не говори и не мѣшай мнѣ досказывать! Княгиня дочка невѣстку приняла, какъ добрая родня! Не правда ль? Ей отвела богатые покои—въ людской, заставила работой княжеской заняться—мыть полы и грязную посуду, а поутру и въ вечеру ее въ разлукѣ съ другомъ утѣшала побоями и колкими словами.

Мертвая.

И бѣдная, какъ чистый духъ сносила, улыбаясь, и огорченья и труды, страдала только за душу его и за невинный плодъ любви ихъ!

Онъ.

Хорошо! Такъ помнишь ли, какъ чистый духъ твой потерялъ терпѣнье! Какъ на смертномъ ложѣ, съ младенцемъ мертвымъ на рукахъ, она твою Княгиню просила перестать ругаться надъ ея несчастьемъ и въ иступленье наконецъ пришла!

Мертвая.

За нее я грѣшница молила тоже!

Онъ.

«Не женщина, а извергъ!—воскликнула Марія! На краю могилы я клянусь и клятву умирающей услышитъ Небо. Дотолѣ съ тѣломъ мертвымъ не разстанусь и не уйду въ жилище душъ, пока тебя рождающую не увижу, пока руками мертвыми младенца твоего я не приму и въ моей могилѣ не постелю тебѣ постели!» Сказавъ упала на войлочное изголовье и какъ говорите вы, преставилась.

Мертвая.

Злодѣйка, погубила душу бѣдной Марьи! Я жъ грѣшная!

Онъ.

А, а! ты помнишь!

Мертвая.

Я упала цѣловать у мертвой руки и поклялась про себя, помочь ей до кладбища дотащить змѣю взлелѣянную мною и мертвымъ голосомъ ее въ могилѣ убаюкать! Ахъ, грѣшная! увы мнѣ!

Онъ.

И часъ насталь! Доселѣ каждый вечеръ
землей непринятое тѣло изъ могилы таскали
вѣдьмы на гору лысую, и только мѣсяцъ блѣд-
нымъ свѣтомъ жизнь сонную въ немъ пробуж-
далъ, онѣ огнь мщенья питали въ немъ и раз-
жигали и берегли. Тамъ и теперь мы ихъ най-
демъ! Твою княгиню взбѣсившись лошади те-
перь несутъ, слуга упалъ и колесомъ разда-
вленъ, кучеръ въ возжахъ запутанный тащился
долго по ручью и захлебнулся, у кладьбища въ
щепы карета разлетится! Пойдемъ, ты видишь
надобно спѣшить вамъ!

Мертвая.

Лукавый! Ахъ, грѣшница, увы мнѣ!

СЦЕНА 2-я.

(Лысая гора близъ Кіева, на вершинѣ ее лежитъ мертвое тѣло Маріи, по горѣ толпятся старыя и молодыя вѣдьмы, въ половинѣ сцены показывается полный мѣсяцъ).

(Онѣ поютъ).

Разлилися воды
На четыре броды:
Какъ на первомъ бродѣ
Роща зацвѣтаетъ,
Соловей щелкаетъ;
На второмъ то бродѣ
Лѣто вёсну гонитъ
А кукушка стонетъ.
Какъ на третьемъ бродѣ
Кони легконожки
Полетятъ съ дорожки.
На четвертомъ бродѣ
Свѣтъ дѣвица плачетъ
За неровню идучи
Сердцемъ лихо чуючи.

1. Здорово кумушки! 2. Здорова сватья! 3. Откудова сестрица? 1. Охъ, я устала, я устала!

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Стихотворения А. А. Дельвига
не вошедшие в полные собрания его сочинений.

ПЕРЕВОДЧИКУ ДЮНА.

Благодарю за переводы
Моихъ ритмическихъ стиховъ!
Отъ одного отца рожденные уроды
Ведутъ свой знатный родъ отъ двухъ теперь отцовъ.

ПЕРЕМѢНЧИВОСТЬ (къ Платону).

Все измѣнилось, Платонъ, подъ скипетромъ стараго Хрона:
Нѣтъ просвѣщенныхъ Аѳинъ, Спарты слѣдовъ не найдешь,
Боги покинули Грековъ, Греки забыли свободу,
И униженный рабъ топчетъ могилу твою!

1816-го года.

МОИ ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА (экспромтъ).

Дитятей часто я сердился,
Игрушки, няньку билъ;
Еще весь гнѣвъ не проходилъ,
Какъ я стыдился.

Того ужъ нѣтъ! и я влюбился,
Томленьемъ грудь полна!
Бывало взглянетъ лишь Она
И я стыдился.

Того ужъ нѣтъ! вотъ я женился
На вѣтреной вдовѣ:
Гляжу, рога на головѣ!
Я застыдился.

Того ужъ нѣтъ! теперь явился
Въ собраньѣ съ парикомъ:
Чтожъ? громкій смѣхъ надъ старикомъ:
Тутъ я взбѣсился.

ЛЮБОВЬ.

Что есть любовь? несвязный сонъ,
Сцѣпленіе очарованій!
И ты въ объятіяхъ мечтаній,
То издаешь унылый стонъ,
То дремлешь въ сладкомъ упоеньѣ,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновидѣнье
Съ больной, тяжелой головой.

НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА.

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ, нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ!
Ихъ кудри упали развитыя въ безпорядкѣ на груди,
Ихъ персты по лирамъ не движутся, голосъ въ устахъ исчезаетъ!
Амура забыли печальныя, съ цѣпью цвѣточною скрылся
Онъ въ дикомъ кустарникѣ, слезы катятся по длиннымъ рѣсницамъ,
Забросилъ онъ лукъ и въ молчаньѣ стрѣлу объ колѣно ломаетъ;
Мохнатой ногой растопталъ свирѣль семиствольную Богъ-Панъ
Вѣнчанъ осокою ручей убѣжалъ отъ повергнутой урны,
Гдѣ Бахусъ на тигрѣ, съ толпою вакханокъ и древнимъ Силеномъ,

Изсѣченъ на мраморѣ—типа льется изъ мра-
морной урны—
И на руку Нимфа склонясь печально плескаетъ
струею!

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій ды-
мится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ, нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ
прахомъ рыдаютъ!
Веселье въ Олимпѣ, Вулканъ хромоногій под-
носитъ безсмертнымъ
Амврозію, Нектаръ подноситъ Зевесовъ пре-
лестный любимецъ.
И каждой безсмертный вкушаетъ съ Амврозіей
сладостный Нектаръ
И отворотясь улыбается Марсу Венера. И
вижу
Въ восторгѣ я васъ полубоги Россіи. Шумя-
щей толпою,
На копья склонясь, ожиданье на челахъ въ
безмолвьи стоите.
И вотъ повернулъ сѣдовласый Хронъ часы,
вотъ пресѣкли
Суровыя Парки священную нить и восхитивъ къ
Олимпу
Святаго пѣвца Аполлонъ при сладостной пѣснѣ
безсмертныхъ:
„Державинъ, Державинъ! хвала возвышеннымъ
поэтамъ! возстаньте

Безсмертные, угостите Безсмертнаго; юная Геба
Омой его очи водою кастальскою! вы о Хариты,
Кружитесь, плящите подъ лиру Державина!
Долго не зрѣли
Небесные, утѣшенья земли и Олимпа, святаго Пінта".
И Пиндаръ узналъ себѣ равнаго, Флакъ философа брата
И Анакреонъ нацѣдилъ ему въ кубокъ пыдающій нектаръ.
Веселье въ Олимпѣ! Державинъ поетъ Героевъ Россіи.

Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О Пушкинъ, нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ.
Вотъ прахъ вѣщуна, вотъ лира виситъ на вѣтвяхъ кипариса,
При самомъ рожденьи пѣвецъ получилъ ее въ даръ отъ Эрмія.
Самъ Эрмій уперся ногой натянуть на кругъ черепахи
Гремящія струны—и только въ часы небесныхъ восторговъ
Державинъ дерзалъ разсыпать по ней окрыленные персты!

Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою
лирой? Кто Пушкинъ!
Кто пламенный, избранный Зевсомъ еще въ
колыбели, щастливецъ!
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣн-
комъ увѣнчаетъ?
Молися Каменамъ! и я за друга молю васъ,
Камены!
Любите младаго пѣвца, охраняйте невинное
сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные
персты!
Но и въ старости грустной пускай онъ пріятно
на лирѣ,
Гремящей сперва, ударяя — уснетъ съ исчезаю-
щемъ звономъ!

НАДПИСЬ КЪ МОЕМУ ПОРТРЕТУ.

Не бойся Глазуновъ ты моего портрета!
Не Генеральской онъ, но сбудешь также съ рукъ;
Зачѣмъ лишь говорить, что онъ портретъ поэта!
Съ карикатурами продай его мой другъ.

БЛИЗОСТЬ ЛЮБОВНИКОВЪ

(изъ Гёте).

Блеснетъ заря, а все въ моемъ мечтаньи
Лишь ты одна,
Лишь ты одна, когда потокъ въ молчаньи
Сребритъ луна.

Я зрю тебя, когда летитъ съ дороги
И пыль и прахъ,
И съ трепетомъ идетъ пришлецъ убогій
Въ глухихъ лѣсахъ.

Мнѣ слышится твой голосъ несравненный
И въ шумѣ водъ;
Подъ вечеръ онъ къ дубравѣ оживленной
Меня зоветъ.

Я близъ тебя, какъ не была бъ далёко
Ты всёжъ со мной;
Взошла луна! Когда бъ въ сей тьмѣ глубокой
Я былъ съ тобой.

ПОДРАЖАНІЕ I-му ПСАЛМУ

Блаженъ, о юноша! кто подражая мнѣ,
Не любитъ разсылать себя по всѣмъ журналамъ,
Кто часъ любовниковъ пропуститъ въ сладкомъ снѣ
И кругъ простыхъ друзей предпочитаетъ балямъ.

Когда неистовый влетитъ къ нему Свистовъ,
Онъ часто по дѣламъ изъ комнаты выходитъ,
Ему жъ нѣтъ времени писать дурныхъ стиховъ,
Когда за книгой день, съ супругой ночь проводитъ.

За то, взгляните, онъ какъ дубъ, высокъ и прямъ,
Что вялый передъ нимъ угодникъ дамъ и моды?
Цвѣтъ полныхъ яблоковъ разлился по щекамъ.
Благоразуменъ, свѣжъ онъ и въ преклонны годы.

А ты, слѣпой глупецъ, иль новый философъ!
О вѣрь мнѣ и въ очкахъ повѣса всежъ повѣса.
Что будетъ изъ тебя подъ сѣдиной власовъ,
Когда устанешь ты скакать средь экосеса?

Скажи, куда уйдешь отъ скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ея румяныхъ щекъ бранится на тебя?
Примѣръ достойнѣйшій и дочери и сыну!

Что усладитъ, скажи, безъ вѣры старика,
Что память добраго въ прошедшемъ сохранила!
Что совѣсть... ты молчишь! бѣднѣе червяка,
Тебѣ постыла жизнь, тебя страшитъ могила!

ВЪ АЛЬБОМЪ КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

Сестрица! можно ли прелестную забыть?
За это Аполлонъ давно бъ мнѣ выдралъ уши;
Но красота стрѣлой велѣла прикрѣпить
Амуру къ сердцу мнѣ портретъ моей Танюши.

ТРІОЛЕТЪ К. ГОРЧАКОВУ.

Тебѣ желаю, милый Князь!
Чтобы отнынѣ жилъ счастливо,
Звѣздами, почестьми гордясь.
Тебѣ желаю, милый Князь,
Видать любовь отъ черныхъ глазъ:
То для тебя, ей-ей, не диво.
Тебѣ желаю милый Князь,
Чтобы отнынѣ жилъ счастливо!

БОГИНЯ ТАМЪ И БОГЪ ТЕПЕРЬ.

(Къ Савичу).

Прозаикъ милой,
О Савичъ мой,
Передъ тобой,
Собравшись съ силой,
Я нарисую,
Махнувъ перомъ,
Всегда младую,
Съ златымъ вѣнцомъ,
Съ златою лирой
И по плечамъ
Съ златой Порфирой,
Богиню Тамъ.—
Она витаетъ
(Повѣрь ты мнѣ)
Въ той сторонѣ,
Отколь блистаетъ,
При тишинѣ—
Лѣсовъ заглохшихъ
И водъ умолкшихъ
Въ покойномъ снѣ

Предтеча Феба,
Каменъ Царя.
Въ цвѣтахъ заря,
Аврора Неба,
Откинувъ дверь,
Тамъ выпускаетъ,
Но богъ Теперь
Ее встрѣчаетъ
И зло кидаетъ
Къ благимъ дарамъ.
Богиня-жъ Тамъ,
Какъ ты незлобна!
И не одной
Она душой
Тебѣ подобна,
Но то жъ мила
И весела,
И такъ прелестно
Какъ, Савичъ, ты
Поетъ: мечты
О неизвѣстной
Дали, дали!
Внимай Піита—
Онъ чародѣй:
Судьбой открыта
Грядущихъ дней
Ему завѣса:
Онъ отъ Зевеса

Богиню Тамъ
Принялъ въ подруги
Своимъ мечтамъ,
Тебѣ жъ, какъ другу,
Принесъ отъ ней
О, свертокъ дней.
Ты прочитаешь
И въ немъ узнаешь,
Кто будешь впредь,
Но не краснѣть
Отъ словъ пророка:
„По волѣ рока
Ты будешь пѣть,
Какъ ночью мая
Поетъ младая,
Въ тѣни древесъ,
Любви пѣвица,
Когда Царица
Ночныхъ небесъ
Изъ водъ катится
И мрачный лѣсъ
Не шевелится;
Когда жъ въ крови
Зажгутся муки
Святой любви,
То смѣло руки
Ты на клавиръ
И слаще лиръ

Прольются звуки
Твоей души.
Тогда жъ въ тиши
Ты одинокой
Въ стихахъ пиши
Письмо къ жестокой—
И ты поэтъ.
Прошепчетъ: нѣтъ—
Она сердито.
О не бѣда!
Полуоткрытой
Вѣрь—скажетъ-да!
И ты, счастливый,
Отъ городовъ
Уйдешь подъ кровъ
Домашней ивы.
Блаженный часъ!
О дняхъ грядущихъ
Не суетясь,
Въ мѣстахъ цвѣтущихъ
Ты будешь жить
И воздухъ пить
Съ душистой розой.
Ты свѣжей прозой
Семьи простой
Опишешь радость,
Души покой,
И чувства сладость

Разсыплешь ты
На всѣ листы".
О Савичъ мой!
То будетъ—вѣрь,
Когда Теперь,
Сей богъ унылой,
Богиню Тамъ
Не повстрѣчаетъ
Не примѣшаетъ
Къ ея дарамъ
Полезной муки,
Слезы и скуки.

[19 ОКТЯБРЯ 1822].

Что Иллическій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ кажетъ намъ бокалъ,
Ура друзья! Въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.
Какъ пѣсни пѣть не позабыли
Лицейскаго мы мудреца,
Дай Богъ, чтобъ такъ же сохранили
Мы скотобратскія сердца.

[19 ОКТЯБРЯ 1824].

Семь лѣтъ пролетѣло, но дружба
Ты та же у старыхъ друзей;
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про Лицей. (2).

Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой
И долго въ сей день собирай
Друзей, нестарѣющихъ сердцемъ
И имъ старину вспоминай.

Нашъ милый начальникъ! ты съ нами
Ты любишь и насъ и Лицей,
Мы пьемъ за твое всѣ здоровье,
А ты пей за насъ, за друзей.

[19 ОКТЯБРЯ 1825].

Въ третій разъ, мои друзья,
Вамъ пою куплеты я
На пиру лицейскомъ.
О, моя повѣрьте, тѣнь
Огласитъ сей братскій день
Въ царствѣ Елисейскомъ.

Хоть немного было насъ,
Но засталъ насъ первый часъ
Дружныхъ и веселыхъ.
Отъ вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
Отъ стиховъ тяжелыхъ.

И въ четвертый разъ, друзья,
Воспою охотно я
Вамъ лицейскій праздникъ.
Лейся жженка черезъ край,
Ты жъ подъ голосъ нашъ играй,
Яковлевъ проказникъ.

Снова други, въ братскій кругъ
Собралъ насъ отецъ похмелья,
Поднимите жъ кубки вдругъ
Въ честь и дружбы и веселья.
Но на время омрачимъ
Мы веселье наше, братья,
Что мы двухъ друзей не зримъ
И не жмемъ въ свои объятья.
Нѣтъ ихъ съ нами, но въ сей часъ
Въ ихъ сердцахъ пылаетъ пламень.
Вѣрьте. Внятенъ имъ нашъ гласъ,
Онъ проникнетъ твердый камень.
Выпьемъ, други, въ память ихъ!
Выпьемъ полные стаканы
За далекихъ, за родныхъ
Будемъ нынѣ вдвое пьяны.

1826 г. октября 19-го.

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли!)
Шли и твердили, шутя: какое въ россіянахъ чувство!

ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЪ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Охъ, Тетенька! охъ Анна Львовна
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маминькѣ любовна
Была ты къ папинькѣ добра
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣвной
Со Львомъ Сергѣичемъ давноль
Какъ бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль.
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ
Или зачѣмъ подлецъ Поповичъ
Его Красовскій пропустилъ!

Хвостова кипа тутъ лежала,
А Беранже не уцѣлѣлъ:
За то его собака съѣла,
Что въ пѣсняхъ онъ собаку съѣлъ (bis).

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать
Дурного масла, яицъ гнилыхъ,—
Такъ приходи со мной обѣдать
Сегодня у своихъ родныхъ.

Я въ Курскѣ, милые друзья,
И въ Полторацкаго тавернѣ
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ, дамѣ Кернѣ!

ПРИМЕЧАНИЯ.

*** (Въ сей книгѣ, въ книгѣ сей стихозъ) (стр. 29). Этим стихотворением открывается рукописный сборник А. А. Дельвига, принадлежавший В. П. Гаевскому (ныне—Пушкинскому Дому при Российской Академии Наук): „Стихотворенія Барона А. А. Дельвига Помощника Императорскаго Библіотекаря и Члена разныхъ ученыхъ Россійскихъ обществъ. Томъ 1-й. С.-Петербургъ 3819 года".

Это вступление к предполагавшемуся в 1819 году изданию сборника стихов подверглось значительной переработке, свидетельствующей о большой поэтической работе поэта, добивавшегося наибольшей художественной выразительности и точности (особенно при передаче поэтической автохарактеристики). Первоначально пьеса была записана в ином виде:

Въ сей Книгѣ списанныхъ стиховъ
Найдутъ слѣды моихъ мечтаній,
Которыя, какъ блескъ цвѣтовъ,
Какъ сны волшебные въ дыму младыхъ годовъ,
Изчезли—а меня съ толпой заботъ, страданій
Оставили бороться однаго.

Я благодаренъ вамъ, о Боги! ничего
Не требую отъ васъ—ни Славы, ни стяжаній;
Вы дали много мнѣ, чтобъ рока снесть ударъ:
Спокойствіе души, залогъ воспоминаній
(О играхъ, о тѣхъ дняхъ, когда дѣлилъ я жаръ
Съ друзьями рѣдкими въ исканіяхъ познаній)
И бѣдный, но отъ васъ мнѣ данный, въ пѣньѣ даръ.

Дельвигъ часто обращался к своей поэтической автохарактеристике и к подведению итогов своей поэтической деятельности („Друзьямъ"—Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья, сонетъ Н. М. Языкову—Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной, послания к Пушкину и проч.).

Диѳирамбъ (стр. 30). Печатается по чистовому автографу на отдельном листке (сохранившемся в архиве В. П. Гаевского—Пушкинского Дома). В сборнике 1819 года это стихотворение было переписано в первоначальном виде и там подверглось коренной переработке (начиная с третьей строфы), после чего стихотворение было переписано поэтом на отдельный листок.

В виду того, что из всех шести строф пьесы остались неизмененными только первые две строфы и второй стих четвертой строфы, все же остальное было коренным образом переработано, считаем нелишним привести пьесу в редакции 1816 года—в том виде, в каком была она написана в лицейскую пору А. А. Дельвига:

Диѳирамбъ (1816. 15 Апрѣля).

Либеръ, Либеръ! я шатаюсь,
Все вертится предо мной,
Дай мнѣ руку—и съ землей
Я надолго разпрощаюсь!

Милый Богъ! подай бокалъ,
Не пустой и не съ водою
Нѣтъ, съ той влагой золотою
Чѣмъ я горе запивалъ.

Золъ Амуръ, какъ милъ собою,
Такъ умноль водиться съ нимъ!
Съ Шалуномъ свяжись такимъ—
И прощайся съ головою!

Но Амуръ нестрашенъ намъ!
Лишь вино въ бокалъ польется,
Онъ ужъ смиренъ, онъ смѣется
И всѣ стрѣлы пополамъ!

Имъ и дѣвы вспламенились,
Грудь восторгомъ налилась
И невѣрныя томясь
На любовниковъ склонились.

Такъ тебѣ, о Вакхъ, молюсь,
Вѣчноюный, свѣтлоокой!
Дай мнѣ чашу и съ жестокой
Я, какъ прежде, обнимусь.

Эпитафія (стр. 32). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского. Эпитафия написана Дельвигом самому себе в лицейскую пору 1814—1817 гг., но точной датировке не поддается.

Поэтъ (стр. 33). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского, в котором вторая строфа слегка перечеркнута. Пьеса относится к периоду 1814—1817 гг. и представляет особенный интерес в том отношении, что говорит о взгляде Дельвига на поэта — взгляде, которым он стремился заразить своего друга—Пушкина. Дельвиг в Лицее постоянно

внушал Пушкину две мысли: первую, что Пушкин—великий поэт („Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется“) и преемник Державина (см. в Приложении „На смерть Державин“); вторую—что Пушкин должен оправдать его чаяния, должен стать великим поэтом, и для этого должен творчески работать и с благоговением относиться к своему священному и великому призванию—дару Поэта.

Пѣсня (стр. 35). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского. В автографе „Пѣсня“ слегка перечеркнута, что, очевидно, и вызвало замечание Пушкина (в руках которого был сборник Дельвига и который заносил карандашом свои исправления, весьма впрочем немногочисленные, и пометы): „Сохранить оборотъ и сдѣлать прелесть“. Первоначально последнее двустишие третьей строфы читалось иначе:

Никого я неимѣю, чтобъ сказать
Чтобъ сказать кому: люблю.

В этой „Пѣснѣ“ лицейского периода особенно чувствуется влияние сентиментальной школы, испытанное Дельвигом.

Къ Лилетѣ (зимой) (стр. 36). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского. Пьеса была переработана в 1819—1820 гг. (часть исправлений принадлежит, повидимому, Пушкину); в 1814—1817 гг. она имела такой вид:

Къ Лилетѣ.

Такъ, всё изчезло съ тобой! брожу по колено въ сугробахъ,
Завернувшись въ плащѣ, по обнаженнымъ лугамъ;

Грустный стою надъ кустомъ, смотрю на унылую сосну,
Вслушиваюсь въ водопадъ: но онъ во льдинахъ виситъ
Грозной зимой пригвожденный къ молчаливымъ гранитамъ:
Вижу пустое гнѣздо вѣтромъ зарытое въ снѣгъ
И напрасно ищу пѣвицы веселаго Мая.
„Гдѣ ты дѣва любви?—я восклицаю въ лѣсахъ
„Гдѣ, ты Лилета! иль позабыла ты друга, какъ эхо
Позабыла меня голосомъ милыя звать.
Вѣчно ли слезы мнѣ лить и мучиться въ тяжкой разлукѣ
Мыслію: все ль ты моя? Или мнѣ встрѣтить весну,
Какъ встрѣчаетъ къ землѣ семействомъ привязанный узникъ,
Послѣ всѣхъ милыхъ надеждъ, день обреченный на казнь.
Нѣтъ, не страшися зимы! я писалъ не слушаясь сердца,
Много есть прелестей въ ней, я ожидаю тебя!
Наша любовь оживитъ всѣ радости юной природы,
Въ воспоминаньи, въ мечтахъ, въ страстномъ сжиманіи рукъ
Мы не услышемъ въ годъ мы не увидемъ мятелей!
Въ холодъ согрѣешься ты жаркимъ дыханьемъ моимъ
И поцѣлуемъ Тоску отъ меня отгонишь далеко
Мрачную, съ блѣднымъ лицомъ, съ думою тихой въ очахъ
Подъ защитой кудрями, впалыхъ глубоко подъ брови,
Спутницу жизни моей, страсти нещастныя дочь.

Эта пьеса, в которой Дельвиг впервые пишет элегические дистихи, может быть датирована приблизи-

тельно 1814—1815 гг.: вряд ли можно отодвигать дальше время ее создания, как по тому, что Дельвиг не свободно владеет еще гекзаметром, так и по связи ее со стихотворением 1814 года „Къ Лилетѣ“:

Лилета, пусть вѣтеръ свиститъ, и кверху мятелица вьется;
Внимая боренью стихій, и въ бурю мы счастливы будемъ etc

а также со стихотворением 1815 года „Хата“:

Скрой меня, буряая ночь! Заметай слѣды мои, вьюга!
Вѣтеръ холодный, бушуй вкругъ хаты Лилеты прекрасной! etc

Къ Е. А. Кильштетовой (стр. 38). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского. Пьеса датируется нами предположительно — 1817 — 1818 гг. 32-й стих первоначально читался:

Накинула прозрачнымъ, какъ туманъ,

Къ Кюхельбекеру (стр. 40). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского. Обращение Дельвига к В. К. Кюхельбекеру с этим замечательным по форме стихотворением относится, повидимому, к 1817 году—ко времени окончания Лицея (перед выпуском), но не исключена возможность относить создание пьесы и на год позже—к 1818, ибо и по окончании Лицея Дельвиг не порвал своих дружеских связей с Кюхельбекером. И для 1818 и для 1817 года эта пьеса равно замечательна и поражает необыкновенным для того времени поэтическим мастерством: быть может, это юношеское произведение Дельвига 1817—1818 гг.—самое совершенное кольцо в русской поэзии. В этом стихотворении сказывается резко и

другой поэтический прием Дельвига, усвоенный впоследствии его учеником и другом Боратынским: повторение одних и тех же слов и корней с целью музыкально-логического усиления и противоположения:

Когда какъ низкій лжецъ, но *съдиной* почтенный.
Я устыжусь съдинъ, я устыжусь тебя...
Когда о будущемъ мечтаній прежнихъ *сладость*
Не *усладитъ* меня, а будетъ мнѣ въ укоръ...
Тогда *къ чему мнѣ жизнь, къ чему мнѣ въ жизни*
младость,
И въ *младости* зачѣмъ восторги и мечты?...

Осенняя картина (стр. 42). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Поэт только начал исправлять стихотворение (исправлены 11 и 19 стихи, первоначально читавшиеся так: „Ужасно борется пловецъ“ и „Изъ подъ копыть съ листомъ и прахомъ“), подчеркнул не поэтические, малограмотные анафоры „Который“, „Которую“, но не переработал стихотворения и перечеркнул карандашом первые 14 и последние 4 стиха. „Осенняя картина“ предположительно может быть датируема 1815—1817 гг.

Досада (стр. 44). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Первоначально стихотворение было записано в ином виде:

Поздняя Досада.

Моя Элегія понравилась Лилетѣ,
Она ее—ну пѣловать!
Эхъ други! тутъ бы ей сказать;
Что лучше всѣхъ бы ихъ разцѣловать въ поэтѣ!

Пьеса может датироваться только приблизительно—1814—1817 гг.

Элизіумъ Поэтовъ (стр. 45). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Часть этого стихотворения („Отрывокъ"), начиная с седьмой строфы, была впервые напечатана в „Отечественныхъ Записках" 1854 года с разночтением (произвольным?) первых двух стихов:

Пѣвецъ, зачѣмъ, когда къ тебѣ стучалась
Красавица вечернею порой

В рукописи отмечены некоторые строфы и отдельные стихи и выражения, как подлежащие исправлению, но поэт не дал их, кроме последнего стиха (который первоначально читался: Чрезъ этотъ міръ возвышеннымъ плѣненъ). Пьеса относится к 1815—1818 гг.; в эти годы Дельвиг не раз обращался к темам о возвышенном жребии поэта.

Жаворонокъ (стр. 48). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Одновременно с настоящим отдельным изданием стихотворений Дельвига, мы печатаем эту пьесу в альманахе Пушкинского Дома „Радуга" со следующим примечанием:

Судя по положению, занимаемому в тетради барона А. А. Дельвига (заключающей в себе стихотворенія 1814—1820 гг.), это стихотворение относится к 1816—1817 гг., к последним годам пребывания поэта в Лицее. Пьеса особенно любопытна тем, что в ней, *впервые в русской поэзии*, употреблены гипердактилические рифмы — юношей поэтом, постоянно искавшим новых форм, образов, новых ритмов.

Тетрадь Дельвига была в руках Пушкина, и Пушкину принадлежит несколько исправлений в этой пьесе, введенных нами в текст. Исправления Пушкина мы находим во 2-й и 3-й строфах, написанных Дельвигом так:

Съ какою *онъ* сладостію
Зарю *величаетъ*
Томленіемъ, радостію
Мнѣ душу *стѣсняетъ*
Больную, измученную!

* *
*

Всю зиму (испр.: *Природой*) *окованная*
Земля оживаетъ,
И имъ очарованная,
Сильнѣе пылаетъ
Любовью живительною.

Кроме того, Пушкин зачеркнул в последнем стихе первой строфы слово „весенняго“ (но не дал своего чтения) и исправил „жаворонка“ на „жаворонковъ“, а также начал исправление заключительных трех стихов пьесы:

(Внимаетъ) И сладко утѣшенная,
На мигъ забывъ муки
На небо не жалуется!

Пушкин вместо „И сладко“ (зачеркнутый Дельвигом вариант: Внимаетъ) написал „Забыла“ и зачеркнул слово „забывъ“ во втором стихе.

Къ К. Т. В. (стр. 49). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Этот мадригал относится к 1817—1819 гг. и обращен к троюродной сестре поэта—княгине Татьяне Андреевне Волконской (мать Дельвига, рожденная Красильникова, приходилась ей теткой).

Фани. Гораціанская ода (стр. 50). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Одновременно мы печатаем эту пьесу в альманахе

Пушкинского Дома „Радуга“ и даем к ней следующий комментарий:

В этой „гораціанской одѣ“ лицейского периода любопытно все, начиная с самого имени Фани, фигурирующего в воспоминаниях Пушкина, и кончая „удачнымъ“ поэтическим стихом и поразительным поэтическим пророчеством, предвидением А. А. Дельвига.

До сих пор была загадочна третья строфа IV главы „Евгенія Онѣгина“:

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета,
Какъ сонъ, забыты мной давно.

Кто этот „вѣщій поэтъ?“—Загадочный до сих пор вопрос перестал быть таковым: Пушкин через десять лет вспомнил нигде и никогда не напечатанные стихи Дельвига-лицеиста—

Темира, Дафна и Лилета
Давно, какъ сонъ, забыты мной,

и лишь незначительно перефразировал их. „Вѣщій поэтъ“ действительно оказался вещим: его слова—

И ихъ для памяти поэта
Хранитъ лишь стихъ удачный мой—

буквально, точно исполнились...

Вследствие особенного интереса, который представляет эта пьеса, приводим ее в том первоначальном виде, в каком Дельвиг написал ее в лицейское время:

Фани.

Гораціанская ода.

Мнѣ ль подъ оковами Гимена
Зѣвать отъ скучнаго одно?
Мое блаженство—перемѣна,
Я дѣвъ мѣняю, какъ вино.

*
* *

Темира, Дафна и Лилета
Давно, какъ сонъ, забыты мной
И ихъ для памяти поэта
Хранитъ лишь стихъ удачный мой.

*
* *

Чѣмъ дѣвы робкой и стыдливой
Неловкость видѣть, слышать стонъ,
Дрожать и страсти мигъ щастливой
Ловить въ ее невинный сонъ:

*
* *

Не слаще ль у прелестной Фани
Быть самому ученикомъ,
Платить любьви безпечно дани
И оживлять восторги сиомъ.

Къ Фантазіи (стр. 51). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Две строфы этого стихотворения („Что ты, пастушка, пріуныла?“ и „Ага! закрылася руками“) были выделены поэтом в качестве самостоятельной „Пѣсни“ и напечатаны в альманахе „Царское Село“ на 1830 год.

Дельвиг исправил (после переписки пьесы в тетрадь) некоторые стихи. Так, 2-й стих первой строфы читался: *Помощница трудовъ*; 8-й стих третьей строфы: *Глухой* потокъ шумитъ; 8-й стих пятой строфы: Видѣніемъ *пустымъ*; 5—6 стихи седьмой: Во взорѣ, поступѣ томленье, Лицѣ пылаетъ кровь; первый стих восьмой строфы: *А, а* закрылася руками!; 5—8 стихи девятой строфы:

„Не улыбающійся проходящій
Веселый пастушокъ
Не вѣчно скачетъ говорящій
Съ цвѣтами ручеекъ

4-й стих одиннадцатой строфы: (Махающимъ) *Разкинутымъ* крыломъ; 2-й стих тринадцатой строфы: Мнѣ съ *ранею* звѣздой: последний стих последней строфы: Увы, *какъ* я люблю. Однако Дельвиг не подвергнул всей пьесы переработке, хотя и предполагал это сделать. На эти намерения поэта указывают: отчеркнутые 3—4 стихи четвертой, подчеркнутый 4 стих пятой строфы (*Отягощены* сномъ), зачеркнутый, но не исправленный 7-й стих двенадцатой строфы, помета на полях десятой и двенадцатой строф „яснѣе“, запись на полях девятой строфы: „она робко убѣгала, а молодой пастухъ, котораго она любитъ, удивлялся догадкамъ младенца“, „И просить: etc“.

Пьеса „Къ Фантазіи“, относящаяся, повидимому, к 1817—1819 гг., представляет исключительный интерес для поэтической характеристики Дельвига: в этой пьесе Дельвиг олицетворил свою творческую музу, капризную и своеобразную. Образ прихотливой фантазии, летуньи фантазии и проказницы фантазии—вообще один из любимейших образов юношеской поэзии Дельвига, но нигде не сказались так полно и ясно ее прихотливые, неожиданные и капризно-своеобразные пово-

роты и перелеты, как в его пьесах „Къ Фантазии“ и „Къ Ласточкѣ“.

Къ Еленѣ (стр. 56). Печатается по автографу рукописного сборника В. П. Гаевского. Несмотря на то, что послание „Къ Еленѣ“ было напечатано при жизни Дельвига (в „Благонамѣренномъ“), оно не вошло в собрания его сочинений. В рукописи послание имеет помету „вмѣсто первого“ (т. е. посланія къ ней же). Стихотворение, очевидно, обращено к той же Е. А. Кильштетовой (см. выше) и относится к 1818—1819 гг.

Θ. Н. Глинкѣ (присылая ему Греческую Антологию) (стр. 58). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Первоначально это четверостишие при посылке сборника, которым не раз вдохновлялся Дельвиг, имело несколько иной вид:

Θ. Н. Глинкѣ

(присылая Греческую Антологію)

Вотъ для пѣвца Антологія, легкихъ Харитъ украшенье
Греческихъ, свѣжихъ цвѣтовъ вѣчно-плѣняющій пухъ!
Рви любые себѣ и сплетай изъ нихъ рускимъ Каменамъ
Неувядаемые, въ Хроновомъ царствѣ, венки.

Этот элегический дистих (впервые правильный, хотя и не безукоризненный) относится к 1818—1820 гг.

Романсъ (стр. 59). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского, „Романсъ“ написан под явным влиянием Жуковского и точной датировке не поддается (1815—1819 гг.).

Переводчику Виргилія (стр. 61). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Время и условия создания этой эпиграммы остаются невыясненными.

Къ Ласточкѣ (стр. 62). Одновременно с настоящим изданием мы печатаем эту пьесу в альманахе „Радуга“ с присоединением следующего примечания:

Это замечательное стихотворение до сих пор известно было только в маленьком отрывке (сообщенном В. П. Гаевским) и печаталось в собраниях сочинений Дельвига под 1830 годом (!) в таком виде, дразнившем любопытство:

... едва зарумянится
Небо алой зарей, и блѣдная Цинтія
Тамъ въ туманы покатится....
. . . . . А это любимое
Время рѣзвыхъ дѣтей Морфея, цѣлительный
Сонъ на смертныхъ ліющаго.

Ихъ крылатой толпѣ Зефиры предшествуютъ,
Съ ними самъ Купидонъ летаетъ къ любовникамъ
Образъ милыхъ казать и счастьемъ мечтательнымъ
Тѣшить жертвы Кипридины.

Между тем это стихотворение написано в 1820 году (им открывается второй рукописный том „Стихотвореній Барона А. А. Дельвига“, начатый 1 декабря 1820 года) и состоит из 48 законченных стихов. Стихотворение „Къ Ласточкѣ“, несмотря на то, что оно является одним из лучших, своеобразнейших и характерно Дельвиговских стихотворений, не увидело света—повидимому потому, что поэт так и не привел в исполнение своего намерения—сократить пьесу. Для нас, однако, самая протяженность и проистекающие отсюда б. м. длинноты интересны и ценны, ибо по ним легче

всего проследить за узорчато-капризным поворотом поэтической фантазии шалуньи-музы юноши-поэта, спорящей с ласточкой. Сделаем замечание по поводу одного исправления—19 и 20 стихов. Известно, что Боратынского „подружилъ съ Музами“ Дельвиг и тем спас его от того беспросветного отчаяния, в каком находился будущий поэт мысли, но мало известно то, в какой мере Боратынский был учеником Дельвига в поэзии. Между тем характерный для Боратынского прием—повторение одних и тех же слов и слов с одинаковыми корнями—несомненно восходит к Дельвигу, особенно часто употреблявшему его как раз именно в тот период, когда с ним познакомился Боратынский, приехавший в Петербург с одним мадригалом в кармане. Насколько Дельвиг сознательно употреблял этот прием, говорит исправление 19—20 стихов. Первоначально они читались так:

Къ нимъ навстрѣчу летитъ—ты крикнешь и сладкая
Съ грезой сладкой скрывается!

Дельвиг зачеркнул слово „сладкая“ и написал „милая“, но сознательно оставил повторение одного и того же слова:

. . . . . и *милая*
Съ грезой *милой* скрывается!

Из других первоначальных вариантов отметим в стихах:

18 И—ужъ мой поцалуй *вскрилсѧ* нетерпѣніемъ,
26 Волны моря горятъ, как *волны* весеннія,
44 *Лепетунья* докучная

Крылову (стр. 65). Печатается по автографу в рукописном сборнике, принадлежащем к составу архива В. П. Гаевского („Стихотворенія Барона А. А. Дельвига Помощника Императорскаго Библіотекаря и Члена разныхъ ученыхъ Россійскихъ Обществъ. Томъ 2-й. С.-Петербургъ 1820 года. 1-го декабря"). Первоначально в этом послании к рано умершему (в 1829 году) поэту А. А. Крылову иначе читались стихи:

19 На землю, *милый другъ*, ступилъ
23 *Я берегусь стихи* писать.
25—27 Люблю о *недр* (?) вспоминать
И ривмами друзьямъ желать
Съ здоровьемъ, съ радостью согласья
И, мной невѣдомаго, щастья

В рукописи стихотворение перечеркнуто.

По всем внешним данным, стихотворение это относится к 1821 году.

Въ Альбом П. А. Спа—кой (стр. 67). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Стихотворение обращено к П. А. Спасской и написано в 1821 году (в рукописи стихотворение перечеркнуто).

*** (София, Вамъ свои сонеты) (стр. 68). Печатается по автографу, находящемуся в альбоме С. Д. Пономаревой (Пушкинский Дом при Российской Академии Наук). Стихотворение написано в 1823 году и обращено к С. Д. Пономаревой (в литературном салоне которой Дельвиг в то время часто бывал и увлекался образованной, умной, светской и интересной хозяйкой) в качестве посвящения своих сонетов 1822—1823 гг.

*** (Нѣтъ, я не ваш, веселые друзья) (стр. 69). Печатается по автографу, находящемуся в одной из тетрадей архива В. П. Гаевского (Пушкинский Дом при Российской Академии Наук). В черновике этот набро-

сок состоит из пяти стихов, причем 5-й (зачеркнутый стих читается:

Мечтатели мы вѣримъ съ юныхъ лѣтъ.

*** (Анахоретъ по принужденью) (стр. 70). Извлечено из черновой рукописи Дельвига в составе архива В. П. Гаевского (Пушкинский Дом). Поэт начал сперва стихотворение так:

Анахоретъ по принужденью
И скучной боли и врачей
Невольникъ хижины своей
Я повѣряю къ сожалѣнью
Одной фантазіи моей
Отдалъ бы съ радостью забвенью.....

Ночь на 24 Іюня (стр. 71). Этот отрывок—начало драматического произведения, начатого Дельвигом в последние годы его жизни—извлечен нами из черновой тетради Дельвига, принадлежавшей В. П. Гаевскому (ныне—Пушкинскому Дому). Возможно, что к этой же драме принадлежит и *Отрывок*, напечатанный в „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1832 год:

На теплыхъ крыльяхъ лѣтней тьмы
Чрезъ запахъ розъ промчались мы
И по лучамъ ночныхъ свѣтилъ
Тебя спустили средь могилъ.
Гляди смѣлѣй: кладбище здѣсь;
Плакучихъ ивъ печальный лѣсъ
Надъ урной мраморной шумитъ;
Вблизи ея сѣдой гранитъ
Едва виднѣетъ межъ цвѣтовъ:
Кругомъ кресты, и безъ крестовъ
Лишь двѣ могилы.....

Об этом отрывке в „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ сказано (Пушкиным — издателем „Сѣв. Цв.“ в 1832 году?) следующее: „*Отрывокъ* заключаетъ въ себѣ хоръ духовъ, изъ драмы, въ которой Баронъ Дельвигъ хотѣлъ дать полное развитіе свободной фантазіи. Планъ сей драмы былъ уже набросанъ, и вмѣстѣ съ онымъ уцѣлѣло нѣсколько хоровъ, по большей части недоконченныхъ“.

К сожалению, к нашему времени больше уже ничто не уцелело, и мы не можем догадываться о томъ, какое развитие в драме нашла бы себе „свободная фантазия“ Дельвига, любившего импровизировать драматические экспозиции и тяготевшего к драматическому творчеству. „Ночь на 24 Іюня“ — единственное самостоятельное драматическое произведение Дельвига (мы опускаем его сотрудничество с П. А. Катениным, как несамостоятельное творчество); печатаемое нами начало драмы носит характер еще незавершенный, но заинтересовывает читателя и внушает желание проникнуть в своеобразный творческий замысел Дельвига, прикоснувшегося к мистической поэзии, которой он, по словам Пушкина, не долюбливал.

Приложение. Стихотворения А. А. Дельвига, не вошедшие в полные собрания его сочинений.

Переводчику Діона (стр. 85). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского („Стихотворенія Барона А. А. Дельвига“ etc). Впервые напечатано К. Я. Гротом в 1911 году в книге „Пушкинскій Лицей“ по Матюшкинской („Полѣновской“) тетради и с разночтением в последнем стихе.

Теперь ведутъ свой знатный родъ отъ двухъ отцовъ и с пояснительной выноской К. Я. Грота: „Вѣроятно разумѣется чей-либо переводъ (на нѣмецкій языкъ? Не Кюхельбекера-ли?) стихотворенія Дельвига „Къ Діону“ (1814 г.)“.

Стихотворение можно предположительно датировать 1814—1815 гг.

Перемѣнчивость (къ Платону) (стр. 86). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Впервые напечатано в 1911 году К. Я. Гротом (см. выше) в таком виде:

Перемѣнчивость.

Все измѣнилось, Платонъ! подъ Скипетромъ лютаго
Крона,
Нѣтъ просвѣщенныхъ Афинъ, Спарты слѣдовъ
не найдешь,
Боги покинули Грековъ, Греки забыли свободу,
И униженный рабъ точитъ могилу твою.
Все еще мало, внемли: и Республику ты не узнаешь.
Я поэтъ, но ее не оставляю душой.

Также читается это стихотворение и в 6-ой книге „Русскихъ Пропилеевъ“ и в тетради, принадлежавшей В. П. Гаевскому (до переработки стихотворенія).

Стихотвореніе датировано самим Дельвигом—1816 годомъ.

Мои четыре возраста (Экспромтъ) (стр. 87). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Впервые напечатано К. Я. Гротом (см. выше) в первоначальном (до исправления), лицейском виде:

Того ужъ нѣтъ.

Бывало я на все сердился
Игрушки портилъ, билъ,
Еще весь гнѣвъ не проходилъ
Какъ я стыдился.

* * *

Того ужъ нѣтъ! вотъ я влюбился,
Томленьемъ грудь полна!
Бывало взглянетъ лишь она—
И я стыдился.

* * *

Того ужъ нѣтъ! вотъ я женился
На молодой вдовѣ,
Но глядь—рога на головѣ:
Я застыдился [1]).

* * *

Того ужъ нѣтъ! вотъ я явился
Въ собраньи съ парикомъ
И всѣ трунятъ надъ старикомъ
Смерть какъ взбѣсился!

---

[1]) Въ сохранившемся отдѣльномъ спискѣ этой пьесы, бывшемъ въ моихъ рукахъ, эти стихи читались такъ:

Того ужъ нѣтъ. Вотъ я женился
На Лизѣ молодой,
Но глядь—рога надъ головой—
Я застыдился.
(Примеч. К. Я. Грота).

Чтение К. Я. Грота вполне совпадает с чтением „Лицейской тетради“ (опубликованной М. О. Гершензоном в VI кн. „Русскихъ Пропилеевъ“).

Стихотворение датируется только приблизительно—1814—1817 гг.

Любовь (стр. 88). Печатается по автографу в сборнике, принадлежавшем В. П. Гаевскому. Впервые появилось в печати в 1919 году в VI кн. „Русскихъ Пропилеевъ“ (см. выше) в лицейской редакции:

Любовь.

Что есть любовь? прелестный сонъ,
Собраніе очарованій:
Любовникъ посреди мечтаній,
То издаетъ печальный стонъ,
То чувствуетъ въ груди волненье,
Кидаетъ руки за мечтой,
И оставляетъ сновидѣнье
Съ разстроенною головой.

Пьеса можетъ быть датирована только приблизительно—1815—1817 гг.

На смерть Державина (стр. 89). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Впервые напечатано Я. К. Гротом в IX томе академического издания сочинений Г. Р. Державина. Стихотворение „На смерть Державина“ сохранилось в лицейских списках (напечатанных К. Я. Гротом и М. О. Гершензоном), из которых ниже мы приводим разночтения (и совершенно опускаем описки и неисправности списков):

7 Забросилъ онъ лукъ и въ молчаньи стрѣлу *о колѣна* ломаетъ.

12 И Нимфа, *на брегъ сидя, ужъ не плещетъ въ подругу* струею.

16 Амврозію, Нектаръ—Зевесовъ прелестный любимецъ

21 И вотъ повернулъ сѣдовласый Кронъ часы, *и* пресѣкли

23 *Священную тьмы* Аполлонъ, при сладостной пѣсни безсмертныхъ.

26 Омой его очи водою Кастальскою! Вы, Хариты!

36 *Безсмертный* уперся ногой натянуть на круги черепахи

38 Державинъ дерзалъ разсыпать по *струнамъ бѣгущіе* персты.

40 *Атлетъ молодой, кипящій летѣть по шумной аренѣ,*

46 Гремящей сперва, ударяя, уснетъ исчезающимъ звономъ.

Стихотворение написано, очевидно, под свѣжим впечатлением, произведенном смертью Державина, перед которым Дельвиг благоговел, и потому его можно датировать осенью 1816 года (Державин умер 9 июля 1816 года). „На смерть Державина“ замечательно и полнотой характеристики всего творчества Державина, всей его поэтики образов и сюжетов (античная и русская мифология), его пиндарических, горацианскихъ и анакреонтических ладов—и еще более — чутким предчувствием того, что преемником Державина может быть только „атлетъ молодой“ — 17-тилетний Пушкин, пониманiем, что во всей русской поэзии нет более крупных имен, чем два имени: Державина и Пушкина.

Надпись къ моему Портрету (стр. 93). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. До последнего времени эта „Надпись“ печаталась в собраниях сочинений Пушкина под 1816 годом в таком виде (приводим по I тому Академического издания сочинений Пушкина):

Надпись на мой портретъ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоросъ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно бъ его продалъ.

Такое чтение „Надпись“ действительно имеет в лицейской редакции Дельвига, как о том свидетельствует К. Я. Грот, первый обнаруживший авторство Дельвига („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1905, № 10 и „Пушкинскій Лицей“ 1911).

Пьеса относится к периоду 1815—1817 гг.

Близость Любовниковъ (изъ Гете) (стр. 94). Печатается по автографу в рукописном сборнике В. П. Гаевского. Впервые напечатана в 1911 году К. Я. Гротом („Пушкинскій Лицей“) в лицейской редакции (первоначально пьеса называлась также и „Близость милой“. Изъ Гёте). Лицейская редакция отличается от позднейшей разночтением второй строфы:

Я зрю тебя, когда *вдали* дороги
Катится прахъ,
И съ трепетомъ идетъ *пастухъ* убогій
Въ *почныхъ* лѣсахъ.

Это чтение К. Я. Грота совпадает и с чтением Лицейской тетради, опубликованной М. О. Гершензоном (см. выше).

В рукописи пьеса перечеркнута (Дельвиг предполагал подвергнуть ее переработке, но не привел в исполнение своего намерения); датируется 1815—1817 гг.

Подражаніе 1-му Псалму (стр. 95). Печатается по лицейскому списку тетради Матюшкина, напечатанному К. Я. Гротом („Пушкинскій Лицей“) и М. О. Гершензоном (VI кн. „Русскихъ Пропилеевъ“).

Относится к 1815—1817 гг.

Въ альбомъ княжнѣ Волконской (стр. 97). Печатается по „Лицейской тетради", опубликованной в 1919 г. М. О. Гершензоном в VI кн. „Русскихъ Пропилеевъ". Стихотворение относится к 1815—1817 гг. и обращено к той же княжне Татьяне Андреевне Волконской, что и пьеса, помещенная выше („К. Т. В.").

Тріолетъ К. Горчакову (стр. 98). Печатается по тексту „Лицейской тетради опубликованной М. О. Гершензоном (см. выше). Впервые напечатано в 1911 г. К. Я Гротом по списку Матюшкинской („Полѣновской") тетради, повидимому, не совсем исправно: 5-ый стих у К. Я. Грота читается:

Кидать любовь отъ черныхъ глазъ:

„Тріолетъ" написан в 1815—1817 гг. и обращен к лицейскому товарищу Дельвига и Пушкина — князю А. М. Горчакову (впоследствии Государственному канцлеру). Пьеса — лишнее доказательство того исключительного интереса к поэтической форме, ко всякой поэтической форме, как к форме, какой был еще в лицейские годы у Дельвига.

Богиня Тамъ и богъ Теперь (Къ Савичу) (стр. 99). Печатается по списку Ф. Ф. Матюшкина, опубликованному в 1911 году К. Я. Гротом („Пушкинскій Лицей": в настоящее время эта тетрадь Матюшкина, равно как и весь Гротовский архив, находится в Пушкинскомъ Доме при Российской Академии Наук). К. Я. Грот в пояснительной выноске к подзаголовку говорит: „Вѣроятно Никол. Иван. Савичъ, воспитанникъ II курса (съ 1814 по 20 г.) ум. 1892 г. въ Одессѣ. Былъ Директоромъ Одесск. Попечительскаго о тюрьмахъ Комитета".

Послание к Савичу—одно из наиболее ранних произведений Дельвига и вряд-ли может быть отодвинуто позже 1814—1815 гг.

[19 октября 1822] (стр. 104). Печатается по тексту, опубликованному К. Я. Гротом в 1916 году в XIII выпуске сборника „Пушкин и его современники“ („Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкине и послѣ него“). По свидетельству К. Я. Грота — Гаевского, в 1822 году лицейская годовщина справлялась на квартире у А. Д. Илличевского и после экспромпта Илличевского („Съ тѣхъ поръ, какъ мы лицейски стали“) Дельвиг произнес свой „экспромпт“.

19 октября 1824 (стр. 105). Печатается по автографу на отдельном листе, хранящемся в Пушкинском Доме. Пьеса (неточно и неполно) была напечатана Я. К. Гротом („Пушкинъ и его современники“, вып. XIII) со следующим объяснением: „О годовщинѣ въ *1824 г.*, къ сожалѣнію, уже не дошедшія до насъ письменныя свидѣтельства были еще въ рукахъ у В. П. Гаевскаго. Онъ сообщаетъ, что на сходкѣ на квартирѣ у жившихъ вмѣстѣ Вольховского, Стевена и Яковлева было рѣшено въ 1827 г., въ десятилѣтіе со дня выпуска, праздновать серебряную дружбу, а по прошествіи 20 лѣтъ — золотую. Но впослѣдствіи предположеніе это было забыто, а въ годъ 20-лѣтія не стало и Пушкина. Въ заключеніе ужина Дельвигъ сочинилъ экспромпт, пропѣтый тутъ же хоромъ на голосъ извѣстной пѣсни Коцебу: „Es kann doch nicht immer so bleiben:“.

Семь лѣтъ пролетѣли, но, дружба,
Ты та же у старыхъ друзей:
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про лицей.
Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой,
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай,

[19 октября 1825] (стр. 106). Печатается по тексту К. Я. Грота, опубликованному им в XIII выпуске сборника „Пушкинъ и его современники". К. Я. Грот, в цитированной уже нами статье, говорит, м. п., следующее о праздновании годовщины в 1825 году: „На этомъ собраніи пѣлись опять импровизированные стихи Дельвига (записанные Яковлевымъ на голосъ пѣсни изъ „Волшебнаго стрѣлка"), изъ которыхъ Гаевскимъ приведены только два куплета".

(Снова, други, въ братскій кругъ) (стр. 107). Печатается по тексту, опубликованному К. Я. Гротом в XIII вып. сб. „Пушкинъ и его современники". К. Я. Грот говорит следующее о праздновании лицейской годовщины в 1826 г.: „Къ слѣдующему, *1826 г.*, въ которомъ еще не сбылась надежда Пушкина, высказанная въ стихахъ 1825 г., что онъ будетъ черезъ годъ опять въ кругу товарищей, относятся только сохранившіеся на сильно запачканномъ листкѣ почтовой бумаги куплеты опять тѣхъ же Илличевскаго и барона Дельвига (сдержавшаго свое обѣщаніе „и въ четвертый разъ воспѣть лицейскій праздникъ"); но ни объ участникахъ сборища, ни о томъ, у кого оно было, нѣтъ тутъ упоминанія. Впрочемъ, изъ стиховъ Дельвига мы узнаемъ, что друзья не досчитывались на этотъ разъ двоихъ изъ своей среды. Кто эти двое? Судя по посвященнымъ имъ стихамъ, это были пострадавшіе вслѣдствіе участія въ дѣлѣ декабристовъ Пущинъ и Кюхельбекеръ, которые, впрочемъ, и не одни только отсутствовали и въ предыдущіе годы (хотя о Кюхельбекерѣ есть, какъ мы видѣли, сомнѣніе для 1825 г.). О нихъ упомянуто скорѣе по трагической важности и безнадежности постигшей ихъ тяжкой доли".

Постоянный лицейский патриот—Дельвиг присутствовал и на следующих годовщинах и, возможно, что их также „воспѣвалъ", но песни его до нас не дошли.

(Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ до-

микѣ низкомъ) (стр. 108). Впервые это шуточное стихотвореніе, какъ принадлежащее Дельвигу и Боратынскому (П. О. Морозов печатает его в сочиненіях Пушкина „по автографу“) напечатано в V выпуске „Пушкина и его современниковъ“ и, какъ таковое, было включено нами в приложение к I тому академического издания сочиненій Е. А. Боратынского по следующим основаніям:

Въ „Запискахъ К. А. Полевого“ (изд. А. С. Суворина, 1888 стр. 209) мы находимъ слѣдующій разсказъ: „Весною 1827 года, не помню по какому случаю, у брата былъ литературный вечеръ, гдѣ собрались всѣ пишущіе друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и разъѣхались уже утромъ. Пушкинъ казался предсѣдателемъ этого сборища и, попивая шампанское съ сельтерской водой, разсказывалъ смѣшные анекдоты, читалъ свои непозволенные стихи, хохоталъ отъ рѣзкихъ сарказмовъ И. М. Снѣгирева, вспоминалъ шутливые стихи Дельвига, Баратынскаго и заставилъ послѣдняго припомнить написанные имъ съ Дельвигомъ, когда-то разсказы о житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ. Его особенно смѣшило то мѣсто, гдѣ въ пышныхъ гекзаметрахъ изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоихъ поэтовъ, которые „въ лавочку были должны, руки держали въ карманахъ (перчатокъ они не имѣли!)“...

Подтвержденіе этому разсказу К. А. Полеваго мы находимъ въ письмѣ А. П. Кернъ (Марковой-Виноградской) къ П. В. Анненкову („Пушкинъ и его современники“, вып. V, стр. 146), въ которомъ она между прочимъ говоритъ: „Я вспомнила еще стихи, сообщенные мнѣ женою Барона Дельвига и слсженные когда-то вмѣстѣ съ Баратынскимъ“, и А. П. Кернъ приводитъ это стихотвореніе.

Въ виду тожественности показаній двухъ столь разнородныхъ современниковъ поэтовъ пушкинской

плсяды, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Боратынскій принималъ участіе въ созданіи этой поэтической шутки; мы склонны, однако, приписывать наибольшую долю участія барону А. А. Дельвигу—объ этомъ говоритъ и размѣръ—гекзаметръ, излюбленный Дельвигомъ и чуждый Боратынскому.

„Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ“ относится, несомнѣнно, не къ 1825, а къ 1819 году, ко времени сближенія Боратынскаго съ барономъ Дельвигомъ и ихъ совмѣстной жизни въ Петербургѣ, и представляетъ большой интересъ, какъ лишнее указаніе на дружественныя отношенія обоихъ поэтовъ и на ихъ жизнь, полную лишеній, при вступленіи на литературное поприще. О томъ, что Боратынскому и Дельвигу приходилось въ юности нуждаться, мы имѣемъ много разсказовъ современниковъ—Л. С. Пушкина, Туманскаго, Эртеля (см. напримѣръ „Выписку изъ бумагъ дяди Александра“ В. Эртеля въ „Русскомъ Альманахѣ“ на 1832 и 1833 гг., Спб. 1832).

Элегія на смерть Ан. Льв. (стр. 109). Печатается по тексту, данному первымъ томомъ академическаго изданія „Переписки Пушкина“. Участие Дельвига в созданіи этой шуточной „Элегіи“ на смерть А. Л. Пушкиной, тетки поэта, засвидетельствовано подписью Пушкина подъ элегіей в письме к князю П. А. Вяземскому („Я да Дельвигъ“). „Элегія“ печаталась до сихъ поръ только въ сочиненіяхъ Пушкина, несмотря на то, что Пушкинъ приписывалъ большую долю участія въ написаніи этой шутке А. А. Дельвигу. Въ первой половине сентября 1825 г. поэтъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Ради Бога докажи Василію Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого-нибудь другаго беззаконника. Онъ восклицаетъ „а она его сестрѣ 15.000 оставила!?...“ Это напоминаетъ чай которымъ онъ поилъ Милонова—Дѣло въ томъ что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ нежели я“.

„Элегія“ написана Пушкиным и Дельвигом в конце апреля 1825 года, когда Дельвиг, по дороге из Витебска в Петербург, навестил Пушкина в Михайловском и пробыл у него несколько дней (есть известие, что Дельвиг пострадал за этот визит к опальному поэту).

(Хвостова кипа тутъ лежала) (стр. 110). Этот и следующие два экспромта-шутки Дельвига заимствованы из воспоминаний А. П. Керн (Марковой-Виноградской), помещенных в „Семейныхъ Вечерахъ“ 1864 г., № 10 (перепечатано по черновой рукописи с дополнениями в V вып. сборника „Пушкинъ и его современники“). Приводим эти шутливые экспромпты в контексте „Воспоминаній А. П. Кернъ“:

„... Дельвигъ занимался въ маленькомъ полусвѣтломъ кабинетѣ, гдѣ и случилось несчастіе съ пѣснями *Беранже*, внушившее эти стихи:

Хвостова кипа тутъ лежала,
А Беранже не уцѣлѣлъ:
За то его собака съѣла,
Что въ пѣсняхъ онъ собаку съѣлъ (bis).

Эти стихи, въ числѣ прочихъ, пѣлись хоромъ по вечерамъ. Пока Баоринъ былъ въ Харьковѣ, мы переписывались съ его женою, и она мнѣ прислала изъ Курска экспромтъ Барона:

Я въ Курскѣ, милые друзья,
И въ Полторацкаго тавернѣ
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ, дамѣ Кернѣ!“

(„Дѣва Лиза—сестра А. П.—Елизавета Петровна Полторацкая, впоследствии—Решко).

„... Онъ (Дельвигъ), кромѣ прелести неожиданныхъ удовольствій безъ приготовленій, любилъ въ нихъ и хорошее вино, оживляющее бесѣду, и вкусный столъ; отъ этого онъ не любилъ обѣдать у стариковъ Пушкиныхъ, которые не были гастрономы и въ этомъ случаѣ онъ былъ одного мнѣнія съ Александромъ Сергѣевичемъ. Вотъ, по случаю обѣда у нихъ, что разъ Дельвигъ писалъ Пушкину:

Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать, etc.“

Главный
Лит. Музей

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Вступительный очерк 7

Неизданные стихотворения барона А. А. Дельвига:

*** (В сей Книгѣ, въ кипѣ сей стиховъ) . . 29
Диѳирамбъ (Либеръ, Либеръ! я шатаюсь). . . . 30
Эпитафія (Прохожій! здѣсь лежитъ философъ человѣкъ) 32
Поэтъ (Что до Боговъ? Пускай они). 33
Пѣсня (Какъ не больно сердца муки) 35
Къ Лилетѣ (зимой) (Такъ, все исчезло съ тобой! брожу по колѣно въ сугробахъ). 36
Къ Е. А. Кильштетовой (Я виноватъ, Елена! передъ вами) 38
Къ Кюхельбекеру (И будетъ жизнь не въ жизнь и радость мнѣ не въ радость). 40
Осенняя картина (Когда земля отдастъ плоды) . 42
Досада (Какъ пѣсенка моя понравилась Лилетѣ) . 44
Элизіумъ Поэтовъ (За мрачными, Стигійскими брегами) 45
Жаворонокъ (Люблю я задумываться) 48
Къ К. Т. В. (Къ чему на памятномъ листкѣ мнѣ васъ хвалить) 49
Фани. Гораціанская ода (Мнѣ ль подъ оковами Гимена) 50

стр.

Къ Фантазіи (Сопутница моя златая). 51
Къ Еленѣ (Когда Амуръ еще былъ вашимъ Богомъ) 56
Ѳ. Н. Глинкѣ (присылая ему Греческую Антологію). (Вотъ пѣвцу Антологія, легкихъ Харитъ украшенье) 58
Романсъ (Проснися, рыцарь, путь далекъ) . . . 59
Переводчику Виргилія (Ты переводчикъ, я читатель). 61
Къ Ласточкѣ (Что мнѣ дѣлать съ тобой, докучная ласточка) 62
Крылову (Ужъ я не тотъ поэтъ безпечный) . . 65
Въ Альбомъ П. А. Спа-кой (Я не привыкъ Альбомы наполнять) 67
* * * (Софія, Вамъ свои сонеты). 68
* * * (Нѣтъ, я не вашъ, веселые друзья). . . 69
* * * (Анахоретъ по принужденью). 70
Ночь на 24 Іюня. 71

Приложение. Стихотворения А. А. Дельвига, не вошедшие в полные собрания его сочинений:

Переводчику Діона (Благодарю за переводы). . 85
Перемѣнчивость (къ Платону). (Все измѣнилось. Платонъ, подъ скипетромъ стараго Хрона) . 86
Мои четыре возраста (Экспромтъ) (Дитятей часто я сердился) 87
Любовь (Что есть любовь? несвязный сонъ) . . 88
На смерть Державина (Державинъ умеръ! чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!) . 89
Надпись къ моему Портрету (Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета). 93
Близость Любовниковъ (изъ Гёте) (Блеснетъ заря, а все въ моемъ мечтаньи). 94

Стр.
Подражаніе 1-му Псалму (Блаженъ, о юноша! кто подражая мнѣ) 95
Въ альбомъ княжнѣ Волконской (Сестрица! можно ли прелестную забыть?) 97
Тріолетъ К. Горчакову (Тебѣ желаю, милый князь). 98
Богиня Тамъ и богъ Теперь (Къ Савичу) (Прозаикъ милой) 99
[19 октября, 1822 г.] (Что Илличевскій не въ Сибири) 104
19 октября 1824 г. (Семь лѣтъ пролетѣло, но дружба) 105
[19 октября 1825 г.] (Въ третій разъ, мои друзья). 106
*** (Снова, други, въ братскій кругъ) . . . 107
*** (Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ) 108
Элегія на смерть Ан. Льв. (Охъ Тетенька! охъ Анна Львовна) 109
*** (Хвостова кипа тутъ лежала) 110
*** (Другъ Пушкинъ, хочешь ли отвѣдать) . 111
*** (Я въ Курскѣ, милые друзья) 112
Примѣчанія 113

Книги М. Л. Гофмана:

Кольцо. Тихія пѣсни скорби. Спб. 1907.
Соборный индивидуализмъ. Религіозно-философскій очеркъ. Спб. 1907.
Гимны и оды. Спб. 1910.
Поэзія Боратынскаго. Пгрд. 1915
Пушкинъ. Его общественно-политическіе взгляды и настроенія. Черниговъ, 1917.
Пушкинъ. Первая глава науки о Пушкине. Пгрд. 1922.
То же. Второе, дополненное издание (печатается).
Пропущенныя строфы „Евгенія Онѣгина“ (заканчивается печатанием).
Пушкинъ. Сборникъ статей (готовится къ печати).

Под редакцией:

Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія, подъ редакціей М. Л. Гофмана. Спб. 1908.
Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго подъ редакціей и съ примѣчаніями М. Л. Гофмана, т. I. Спб. 1914.
То же, т. II. Пгрд. 1915.
Дневникъ А. Н. Вульфа. Пгрд. 1915.

Стихотворенія Александра Пушкина. Подъ редакціей, со вступительной статьей и примѣчаніями М. Л. Гофмана. Черниговъ, 1919.

Деревня въ произведеніяхъ Некрасова. Черн. 1919.

„Евгеній Онѣгинъ". Вступительная статья и приложение М. Л. Гофмана. Игрд. 1920.

Лицейскія стихотворенія Пушкина. Редакція, вступительная статья и примечания М. Л. Гофмана (печатается).

Стихотворенія Пушкина. Каноническій текстъ. Редакция М. Л. Гофмана. (печатается).

Сочиненія Пушкина, т. VI („Евгеній Онѣгинъ"). Подъ редакціей М. Л. Гофмана (печатается).

Стихотворенія Е. А. Боратынского. Редакція, вступительный очеркъ и примечания М. Л. Гофмана (печатается).

Стихотворенія К. Н. Батюшкова. Редакція, вступительный очеркъ и примечанія М. Л. Гофмана (печатается).

Стихотворенія В. А. Жуковского. Редакція, вступительный очеркъ и примечанія М. Л. Гофмана (печатается).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„КАРТОННЫЙ ДОМИК".
Склад изданий: Петербург, Литейный пр., 55.

В. Рождественский. Лето. Стихи (распродано).
М. Кузмин. Эхо. Стихи (распродано).
Об Александре Блоке. Статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского, В. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума и Б. Энгельгардта (распродано).
В. Жирмунский. Поэзия А. Блока.
Г. Маслов. Аврора. Поэма. Вступительная статья Ю. Тынянова. Рисунки А. Божерянова.
Дельвиг. Неизданные стихи. Под ред. М. Л. Гофмана.
Ин. Анненский. Тихие песни. Изд. 2-ое (готовится).
Ин. Анненский. Кипарисовый ларец. Изд. 2-ое (печатается).
Ин. Анненский. Посмертные стихи. Под ред. Валентина Кривича (печатается).
Об Анненском. Книга статей (печатается).
Поэты XVIII века. Сборник (готовится).
О Лескове. Сборник (готовится).
Б. Энгельгардт. Введение в эстетику слова (готовится).

Р. В. Ц. № 1146. Печ. 2.000 экз.—Зак. № 163.

26-я Гос. тип. Измайловск. 29.

Главный
читальный зал

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039945275